

ИЛЬЯ ДРОКАНОВ
•
БРОНЯ БАЛТИКИ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Илья Дроканов
Броня Балтики

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Дроканов И. Е.

Броня Балтики / И. Е. Дроканов — «Центрполиграф»,
2017 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-9524-5242-8

Броня Балтики – это не только мощная броневая защита русских кораблей Балтийского флота, вступивших в бой с броненосцами кайзера. Прежде всего, это люди – матросы и офицеры, геройски сражавшиеся с неприятелем. Боевые действия балтийцев в 1914–1917 годах стали славной, хотя и порядком забытой вехой в истории Военно-Морского флота нашей страны. Главный герой – начальник разведывательного отделения Балтфлота Илья Стрельцов. В его задачу входит формирование разведывательных органов флота. Сухопутный офицер с удивлением постигает флотскую жизнь, не уставая поражаться доблести и смекалке матросов и комсостава. Здесь же и история любви, ведь даже в самые тяжелые времена сердца не боятся любить... Автор – Илья Евгеньевич Дроканов – много лет отдал флотской разведке и не понаслышке знаком с ее историей и современным состоянием, его патриотичная книга привлечет многих «мореманов» и любителей книг о спецслужбах.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-9524-5242-8

© Дроканов И. Е., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Илья Дроканов	6
Защитник андреевского флага	7
К адмиралу Эссену	7
Благотворительный прием	22
Командировка в Швецию (май 1915)	35
Бой у острова Готланд	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Илья Дроканов Броня Балтики

Броня Балтики – это не только мощная броневая защита русских кораблей Балтийского флота, вступивших в бой с броненосцами кайзера. Прежде всего броней, защищавшей Петроград и исконно русскую землю у берегов Балтийского моря от давившей вражеской мощи, стали люди – матросы и офицеры, геройски сражавшиеся с неприятелем. Боевые действия балтийцев в 1914–1917 годах стали славной, хотя и порядком забытой вехой в истории Военно-Морского флота нашей страны.

«Русский флот, вступая в Первую мировую войну, не имел в штабах командующих морскими силами Балтийского и Черного морей разведывательных органов в привычном для современного военного человека понимании. Их формирование и становление, как в организационном, так и в профессиональном плане происходило уже на фоне начавшихся боевых действий и в окончательном виде стало в значительной мере результатом служебной инициативы и творчества вовлеченных в этот процесс офицеров».

Из статьи М.А. Партала, Д.Н. Симонова «Радиоразведка русского императорского флота на Балтийском море: история создания».

Защитник андреевского флага

*Ветер всю ночь напролет
Стонет, запутавшись в мачтах.
Волны вгрызаются в борт,
Мокрая палуба скачет.*

*В тесной каюте свеча
И на стене пистолеты,
С ромом заваренный чай
Тускло блестят эполеты.*

Андрей Васильков, «Последнее письмо», 2002 г.

К адмиралу Эссену (март 1915)

- Господа, подъезжаем!
- Проводник, зовите носильщика к нам в купе!
- Как прикажете, мадам! Господа, подъезжаем, скоро вокзал!
- Батюшка, я сниму ваш саквояж с полки! Не извольте беспокоиться.
- Ревель, господа, Ревель! Подъезжаем!

Голоса в коридоре вагона становились все громче. В дверь купе постучали, затем в небольшом проеме показалась голова проводника:

- Через десять минут Ревель, вокзал, ваше высокоблагородие!

Илья Иванович поднялся с кожаного дивана, застегнул верхнюю пуговицу кителя и, приподняв подбородок, зацепил два крючка на воротнике стойкой со свежим подворотничком. «Хм, “высокоблагородие”, выше бери – “ваше превосходительство”! Так-то, паря», – как обычно, про себя подал он ответную реплику. На глаза ему попало длинное узкое зеркало на стенке купе. И вновь – уже в который раз за последнюю неделю – Стрельцов узнавал и не узнавал собственное отражение. Это ведь его лицо с карими глазами и аккуратно постриженной щеточкой седых усов. А дальше все как будто чужое: с зеркальной поверхности смотрел флотский офицер в синем кителе с нагрудными карманами и погонами, золотое поле которых прорезали два красных просвета без звезд – полковника военно-морского ведомства. Черные форменные брюки навывпуск и черные штiblеты с прорезиненными вставками на щиколотках. Не привык Илья Иванович к своему новому обличью, никак не привык.

К знакомым ему форменным атрибутам можно отнести лишь витые шнуры аксельбантов на правом плече да золотые царские вензеля на погонах – знаки офицера Генерального Штаба. В такой блестящей военной мишуре полковнику нередко приходилось являться на дежурство в огромное здание, полукругом охватывающее Дворцовую площадь. Императорского Генерального Штаба полковник по табели о рангах был равен армейскому генерал-майору и стоял выше строевого полковника или корабельного капитана 1-го ранга. Потому и «превосходительство», а не «высокоблагородие», как привычно считают люди неосведомленные. Но, говоря честно, Стрельцов по складу характера мало обращал внимания на условную разницу в рангах. И мысленно поправил ошибившегося проводника в вагоне только ради привычки к порядку.

Вздыхнув, он надел черное пальто, застегнул золоченные пуговицы с якорями, а потом надел фуражку с узким козырьком и флотской кокардой. При этом сдвинул ее чуть набок вправо, как привык носить форменный головной убор со времен учебы в кадетском корпусе. Мелькнула мысль: а хорошо бы сейчас влезть в просторную теплую куртку да в шерстяные брюки-гольф с гетрами и любимыми английскими ботинками, да вместо черной фуражки нацепить кепи из букле... Но наряд Ильи Ивановича, обычный для улиц Петрограда и прочих мировых столиц, где ему приходилось бывать по делам служебным, покоился на дне чемодана. Не до него пока: полковнику сегодня впервые придется представляться по всей форме в штабе Балтийского флота. Так что надо привыкать к этому образу!

Поезд несколько раз с металлическим лязгом дернулся и застыл у перрона. Окна вагона за ночь покрылись ледяной корочкой и налипшими косицами снега, сквозь слепое стекло можно было определить, что снаружи разливаются белесые утренние сумерки. Илья Иванович неторопливо покинул купе, где весь путь из Петрограда пребывал в одиночестве, и влился в вереницу пассажиров, двигавшихся по длинному коридору на выход из вагона. Портфель с документами нес с собой, а два объемистых чемодана оставил в купе: знал, что его встретят. В служебном тамбуре расторопный проводник помогал аккуратно ступить на перрон, не дай бог кто-то поскользнется. Стрельцов кивнул ему на прощанье и сделал широкий шаг из вагона. Заснеженный перрон расчищали скребками несколько вокзальных рабочих. Встречавших у вагона оказалось немного, мимо их темных фигур торопливо двигался молодой морской офицер. Он остановился в двух шагах от Ильи Ивановича и отчетливо доложил:

– Мичман Арцишевский, дежурный офицер штаба флота. С прибытием в Ревель, ваше превосходительство! Николай Оттович распорядился встретить вас и проводить сразу к нему.

– Стрельцов, – кратко представился полковник, поблагодарил и поздоровался за руку.

Они немного отошли на пустынную часть перрона. Оглядевшись, Илья Иванович поинтересовался:

– Пожалуй, нам пешком идти не очень далеко? Я в Ревеле – то прежде не бывал, но немного ориентируюсь и полагаю, что морской порт и военная гавань здесь рядом, не так ли?

– Точно так. Через полчаса можем быть на борту «Рюрика», где адмирал держит флаг. Позвольте, я быстро распоряджусь по поводу вашего багажа, и мы отправимся на причал.

Мичман скорым шагом удалился в сторону станционных построек и нагнал Илью Ивановича у выхода в город.

Оба офицера привычно в ногу зашагали вдоль домов по узким мощеным улицам древнего города. Хмурое мартовское утро так и не расщедрилось добавить ярких весенних красок в блеклый городской пейзаж. Закончились темно-серые стены домов, и появились силуэты деревьев парка, черневшие на фоне сугробов пожухшего снега. По расчищенным дорожкам Стрельцов и Арцишевский спустились к шумной предпортовой улице, где в разные стороны катились груженные телеги и автомобили, поодиночке и группами деловито сновали люди. На одной из кирпичных стен белела крупными буквами надпись с указателем-стрелкой «Sadama». Илья Иванович вспомнил: «сатама» по-фински – это порт. Значит, скоро они окажутся у цели.

Молодому спутнику явно не терпелось расспросить столичного гостя о новостях:

– Ваше превосходительство, как там, в Петербурге, простите, в Петрограде? Что нового? Почти год, как я оттуда уехал.

– Есть перемены в столице, есть. У меня в последнее время создалось впечатление, что Петроград позеленел, несмотря на зиму. Он как бы закутался в ткань защитного цвета. По проспектам маршируют воинские команды в форме... этого, как его... Да, цвета хаки. Многие штатские из числа чиновников и прочих господ сменили партикулярное платье на полувоенную форму, щеголяют ныне в защитных френчах и галифе. Да и женщины, даже знатных фамилий, работают теперь в военных госпиталях и носят зеленые платья сестер милосердия. У меня младшая дочь, студентка института, оставила учебу и поступила служить в гарнизонный

госпиталь на Садовой. Дома вижу ее редко, но сменное форменное платье висит у нее на стуле, как напоминание о войне. Зеленый цвет повсюду!

– А что же, наших, флотских, не осталось на Невском?

– Моряки, мичман, сейчас либо в Кронштадте, либо по флотам разъехались из столицы. В Адмиралтействе, «под шпиром», один министр Григорович с несколькими адмиралами да горсткой штабных «каперангов» обретается. Но они черной формой петроградскую картину не меняют. Мало их, незаметны флотские на улицах. Должно быть, в служебном транспорте разъезжают. А, впрочем, не знаю...

Фраза осталась незаконченной. Между двумя пакгаузами из красного кирпича показались распахнутые настежь ворота. Офицеры их миновали и пошли по территории порта, где вокруг забурилась жизнь, присущая только этим особенным частичкам суши. В порту, находясь на земной тверди, можно ощущать себя уже среди морских волн. Они мягко плещутся совсем рядом, а то и шумно бьются о стенки причалов, разлетаясь в брызгах. Резко вскрикивают чайки, птичьим апломбом подчеркивая, что сухопутной жизни здесь приходит конец. Легкие заполняются морским воздухом, от которого веет солью, водорослями, углем и нефтью, сожженными в корабельных топках. Да и сами корабли, стоящие в порту, показывают своим гордым видом, что ненадолго задержатся у пирсов, а выпутаются из привязи швартовых канатов и полетят на простор.

Стрельцов вопросительно взглянул на провожатого, а тот понимающе указал ладонью в перчатке на серую трехтрубную громадину, навалившуюся мощным стальным бортом на портовый причал метрах в ста от них. Прозвучало лишь одно слово:

– «Рюрик»!

Подойти к флагманскому кораблю быстро не удалось: на причале пришлось обходить множество фанерных ящиков, сложенные в штабеля, какие-то огромные деревянные катушки с электрическим кабелем, лавировать между ломовыми телегами, с грузом и без груза стоявшими на пути. Илье Ивановичу пришло в голову, что прежняя жизнь не сразу отпускает его в неведомое будущее, дает пообвыкнуться в меняющейся обстановке. Ведь через несколько минут ему доведется впервые подняться на борт боевого корабля, и сразу пойдет настоящая флотская служба без возможности обращения в прежнюю ипостась.

Между тем крейсер открылся взору Стрельцова во всей строгой боевой красе. В первую очередь бросилась в глаза огромная двухорудийная башня главного калибра: полковник глазом разведчика быстро оценил, прикинул в уме и спросил мичмана:

– Баковые орудия дюймов по десять, поди?

– Точно так, у нас, на «Рюрике», четыре орудия по 254 миллиметра, две пары, только вторая пара в кормовой части находится, ее пока не видно...

От прямого форштевня крейсера с распластанным бронзовым двуглавым орлом до опущенного на причал парадного трапа офицеры несколько минут шли, словно в городе мимо длинного четырехэтажного здания. Два ряда корабельных иллюминаторов, кое-где подсвеченных электричеством, добавляли сходства с городской улицей.

Возле трапа часовой матрос с винтовкой встал смирно, приветствуя подошедшее начальство. Полковнику представилось право первым подняться по дощатым ступеням с медной окантовкой. На палубе при выходе с верхней площадки Стрельцова встретили два офицера, которые сообщили, что в салон к адмиралу надо пройти в надстройку сквозь распахнутую бронированную дверь. Возле нее Илья Иванович на мгновение задержался и уважительно потрогал ладонью сталь броневой обшивки рядом с входом, ее двадцатисантиметровая толщина поражала воображение сухопутного человека. Про себя он с почтением произнес: «Вот это броня! Вот она, броня Балтики!»

Сопровождавшие истолковали заминку по-своему. Арцишевский из-за плеча предупредил:

– Осторожно! Очень высокий комингс!

Стрельцов понимающе кивнул, когда увидел, что мичман показывает на высоченный порог при входе в помещение, и со всем старанием переставил ноги одну за другой внутрь узкого длинного коридора. Офицеры прошли вдоль него, потом спустились на одну палубу ниже и очутились в просторном ярко освещенном проходе между несколькими каютами. Стены в пространствах между дверями кают привлекали внимание шпалерами из красного дерева с изяществом отделки. С каждой стороны висели портреты прославленных адмиралов. Ушаков, Сенявин, Лазарев и Нахимов строго смотрели со старинных полотен в тяжелых позолоченных багетах. В торце прохода была видна открытая дверь, за которой угадывалась светлая просторная каюта. «Пришли, – подумал Илья Иванович, – там явно адмиральский салон». Он передал свой кожаный портфель Арцишевскому, твердым шагом вошел внутрь и огляделся.

Своими размерами салон мог составить конкуренцию петроградским начальственным кабинетам в Генеральном Штабе или в соседствующем с ним Адмиралтействе. В глубине возле иллюминатора как главный предмет интерьера по-хозяйски расположился прямоугольный рабочий стол, и его поверхность была покрыта книгами, альбомами, рулонами карт, бумагами и принадлежностями для работы. Чернильный прибор, медные снарядные гильзы для карандашей, перочинных ножей и прочей мелочи соседствовали с линейками, угольниками, очками в футлярах и массивным увеличительным стеклом.

Отодвинув назад рабочее кресло, из-за стола вышел его хозяин, слегка разминая затекшие ноги и спину. Это был пожилой полноватый человек невысокого роста с круглым лицом, которое обрамляли короткие пепельные волосы и седая борода с усами. Из-под нависших бровей прямой цепкий взгляд пристально осматривал вошедшего. Стрельцов в свою очередь, увидев золотые погоны с адмиральскими орлами на кителе, украшенном одним георгиевским крестом, быстро вскинул правую ладонь к козырьку и отрапортовал строго по уставу:

– Ваше высокопревосходительство, Генерального Штаба полковник Стрельцов! Представляюсь в связи с прибытием в ваше распоряжение.

Эссен, приближаясь, несколько раз махнул пальцами:

– Все, все! Будет вам, Илья Иванович. У нас, на флоте, по-простому: все офицеры по имени-отчеству...

Стрельцов, понимая, что перегибает палку, не мог удержаться и ответил в такт:

– У нас, в разведке, также, Николай Оттович!

Эссен вскинул брови, хмыкнул, пригладил пальцами усы, но первый протянул полковнику руку и поздоровался. Потом показал, где можно снять пальто и фуражку, и жестом пригласил пройти к стоявшему у противоположной переборки длинному овальному столу, окруженному стульями ручной работы. Сам пошел по дальнюю сторону стола, а гостю указал на стул как раз напротив.

Стрельцов, усаживаясь на указанное место, осмотрелся и тренированным взглядом привычно оценил обстановку. Впереди, рядом со столом, красовался буфет с резьбой в стиле барокко и ножками в форме звериных лап, такими же, как у стола и стульев. Немного в стороне от буфета висела большая картина с изображением баталии парусных кораблей, написанная флагманским маринистом Адмиралтейства Алексеем Боголюбовым. «Торжественно, но не помпезно – со вкусом адмирал», – мысленно отметил Илья Иванович.

Хозяин грузно уселся на стул, положил перед собой тетрадь для записей, обеими руками неторопливо надел очки и внимательно посмотрел на гостя. И Стрельцов в свою очередь немного откинул голову назад, в этот момент их взгляды на мгновение встретились. «На двенадцать лет он старше меня, – подсчитал в уме Илья Иванович, – а выглядит почти стариком: лицо усталое и больное. Нелегко ему служба далась». Сейчас он видел перед собой самого заслуженного в наступившем веке российского флотоводца, знавшего вкус морских побед,

выходившего с честью из всех боев. «Защитник Андреевского флага», – писали об адмирале Эссене в петербургских газетах, и это соответствовало истине.

Адмирал немного помолчал и, прерывая затянувшуюся паузу, начал разговор:

– Ну, давайте знакомиться ближе! Все бумаги ваши и о вас я, конечно, прочитал. Собственно, они мне лишь подтвердили ту характеристику, которую летом прошлого года дал генерал-майор Монкевиц, в бытность руководителем военной разведки Главного управления Генерального Штаба. Мы с Николаем Августовичем близко знакомы и, пока он служил в Петрограде, нередко встречались. Накануне боевых действий у нас состоялся обстоятельный разговор, в котором я изложил ему крайнюю нужду в формировании при своем штабе полнокровного разведотделения. На Балтийском, как, впрочем, и на других флотах, давно действуют органы, добывающие сведения о неприятеле. Много данных получаем через радиоперехват, особенно после захвата германских шифров осенью прошлого года. Авиаторы постоянно летают и докладывают обстановку. С кораблей, находящихся в море, идут сведения. Данные имеются, но они неполные. Агентуры нет, вот беда наша... И некому создать агентурную сеть. Я еще накануне войны доказывал Морскому Генштабу, что командующему флотом кровь из носу нужна своя организованная разведывательная работа, построенная исходя из повседневных задач. В ответ слышал, что по любому моему запросу их разведорган – Особое делопроизводство – предоставит всю необходимую информацию. Предоставит, как же! Мне сегодня требуется, а они через неделю дадут в лучшем случае половину того, что надо!

В сердцах Николай Оттович хлопнул ладонью по столу. Сделал паузу и продолжил с нарастающим волнением:

– Обращался я и к командующему шестой армии, защищающей Петроград вместе с побережьем Финского залива. Мы, балтийцы, ведь оперативно ему подчинены. Но долгобородый упрямец генерал Фан дер Флит и говорить со мной не хотел о какой-то самостоятельности Балтийского флота: кораблям намертво стоять на позиции и «не пущать супостата к столице» – вот ответ Константина Петровича! В конце концов мне удалось уломать Русина на то, чтобы Морской Генштаб перестал возражать против назначения ко мне офицера, которого Монкевиц рекомендовал на самостоятельную работу. Так что, милостивый государь, вам надлежит на деле проявить оперативные и организационные способности, о которых говорил Николай Августович, ваш бывший шеф.

– Постараюсь оправдать доверие, – начал было Стрельцов, но сразу умолк, потому что Эссен продолжил свою мысль:

– Надеюсь. В первую голову меня интересуют возможности вашей агентуры в Германии, ибо о том, что она останется у вас на руководстве, достигнута договоренность с Главным управлением Генерального Штаба, откуда я вас «выцарапал». Добавлю, что мне ваш перевод на флот дорого обошелся. Ну да Бог с ним, сделано и сделано! Нам нужны срочные разведывательные данные по обстановке в районе порта Киль, по действиям армии и флота кайзера. Не стану скрывать, в моих самых смелых намерениях стоит организация взрывов на шлюзах Кильского канала, с целью вывода водной артерии из строя и лишения Берлинского Адмиралштаба возможности быстрой переброски кораблей с Норд-зее на Ост-зее и обратно. Тогда наши крейсера сами будут прорываться в Датские проливы и диктовать волю противнику. Со времен Екатерины Великой русские не могли и мечтать о таком! Так-то. Поэтому прошу в общих чертах доложить о ваших агентах и их возможностях. Зная немного о тонкостях агентурной работы, о деталях выпрашивать не собираюсь.

Адмирал умолк и поднял глаза на собеседника. Стрельцов положил руку на полированный стол и начал доклад, загибая пальцы:

– В данный момент на руководстве состоят два основных добывающих агента и обеспечивающие их деятельность лица, как-то: связники, хозяева конспиративных квартир, владельцы почтовых адресов и телефонов. Наибольшую ценность представляет агент «Фридрих»,

коммивояжер, ведущий дела в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Швеции. Именно он может представить сведения по порту Киль, поскольку нередко там бывает и уже получил от меня задачу приобрести источник информации непосредственно в Киле. Второй агент – «Учитель» – почтовый работник. Этот никуда не выезжает, но обладает развитыми аналитическими способностями, его донесения весьма достоверны и представляют огромный интерес. Именно по его докладу в июле 1914-го стало ясно, что на Балтике немцы будут постоянно держать крейсера «Аугсбург», «Магдебург», «Фридрих Карл» и «Газелле».

Эссен с интересом кивнул головой и спросил:

– Как же это ему удалось?

– Он дотошно изучал открытую почтовую переписку берлинского военного интендантства. Выяснилось, что членам экипажей этих кораблей по заказу командования кайзеровского флота направлялось теплое нижнее белье, меховые куртки и перчатки. Вот «Учитель» и предположил, что крейсера готовятся к зимним боям на холодной Балтике. Тем, кто воюет в Атлантике, много меховой одежды не нужно. Мы перепроверили его донесение, и оказалось, что он, не выходя из почтовой конторы, вскрыл секретные планы немецких адмиралов.

– Действительно, способный человек. А как обеспечивается безопасность ваших агентов?

– Должен сказать, что все наши агенты, действующие в Германии, отнюдь не новички в разведке. Они начали тайную службу задолго до войны и получили большой опыт конспиративной деятельности. В свою очередь я как руководитель этой сети никогда не допускал, чтобы «Фридрих» пересекался с «Учителем», а их помощники – друг с другом. Такие меры предосторожности страхуют тайную сеть от массовых арестов в случае провала одного из агентов.

– Хорошо. Они себя берегут. Сами заинтересованы в этом. Но вы-то с ними встречаетесь, пишете письма или уж как там сноситесь для обмена информацией... На этом этапе работы ваши люди подвергаются риску раскрытия со стороны контрразведки. Да и вы при встречах с агентами рискуете попасть в западню, не так ли?

– Риск, конечно, есть. Но сейчас в Германии мы встречи не проводим, только в нейтральных странах, где немецкая контрразведка уже не хозяйка. «Фридрих» зимой встречался со мной в Швейцарии. С «Учителем» мы встречались там же накануне войны, он лечился в Лозанне. Теперь, правда, ему выезды за границу запрещены, но нас устраивает и конспиративная переписка.

– Все, Илья Иванович! Вот вам мой первый приказ: прекратите работать в воюющей Европе! Привыкайте к мысли, что вы уже не просто офицер Генерального Штаба, этакий матерый волк-одиночка, за вами нынче вся разведка Балтфлота стоит. Удвойте меры предосторожности! Вызывайте «Фридриха» в Швецию, или пусть он хоть на яхте отойдет от германского берега, мы тут же подхватим его на подводную лодку. Только так!

– Я вас понял, Николай Оттович! Очередную встречу назначим в Швеции. Хотя то, что я вам доложил, соответствует канонам деятельности всех разведок в воюющих странах. Могу с уверенностью сказать, что так же работает и шеф военной разведки кайзера, полковник Вальтер Николаи.

Адмирал как-то по-мальчишески поднял брови и улыбнулся, словно услышал захватывающий рассказ, оперся локтями о край стола, положил подбородок на скрещенные кисти рук и удивленно спросил:

– Неужто следите за ним? Я про Николаи слыхивал, даже читал что-то, но не предполагал, что вам ведомы секреты его тайной службы. Расскажите-ка, расскажите!

Теперь улыбнулся Стрельцов. Пожав плечами, он ответил:

– Нет, конечно, не следим. Возможностей таких нет. Но кое-что о его деятельности нашей разведке известно. Агентов он во множестве в России насаждал, провалы у них случаются. Так что есть люди, которые могут нам поведать о своем руководителе. Кроме того, с Вальтером я лично познакомился девять лет назад. К этому знакомству нас привела цепь случайных сов-

падений. Начать с того, что мы – ровесники: оба 1873 года рождения. Оба двадцатилетними офицерами начали службу. Оба поступили в свои академии Генштаба. Правда, я учился с 1904 по 1906 год, а он в «четвертом» году уже закончил. Меня после выпуска направили в Китай, в порт Циндао, где немцы устроились так же прочно, как мы в свое время в Порт-Артуре. Даже пивные заводы баварские там построили. Вот при германском военном командовании в Циндао я служил офицером миссии связи. Туда же на стажировку из Берлинского Генерального Штаба прислали Николаи, в ту пору капитана. Мы нередко общались с ним. Хотя по характеру он оказался человеком весьма замкнутым. Избегал шумных офицерских пивных посиделок, отказывался и от русских угощений. Я сумел «подцепить» его лишь на разговорах о Великой Германии, в них он мог «солировать» часами. Так что имею представление о его образе мышления. Добавлю, что он в академии выучил русский язык и расспрашивал у меня про Россию. На стажировке Вальтер пробыл полгода и возвратился в свой фатерлянд, а я служил в миссии три года, пока не получил перевод в Петербург. Дальнейшую мою биографию Монкевиц вам, наверное, подробно изложил.

– Вы правы. В целом мне картина ясна. Теперь осталось лишь проинструктировать вас по организации дальнейшей службы. По заведенному порядку делами разведки распоряжается мой заместитель, начальник связи флота, контр-адмирал Непенин Адриан Иванович. По всем организационным вопросам разведывательного отделения, которым вы руководите с сегодняшнего дня, обращайтесь к нему. Непенину будете докладывать и общие разведывательные сводки за неделю и за месяц. Срочную же информацию о противнике от агентуры или из других источников немедленно доводите до меня. Ежедневно в восемь утра вот здесь, в кабинете, жду вашего доклада по обстановке. Далее. Вручаю вам, полковник, предписание возглавить разведывательное отделение штаба флота. По штату оно невелико: вместе с вами три офицера, автомобиль «паккард» с шофером и охрана из матросов. Заместителем начальника назначен старший лейтенант Ренгартен Иван Иванович, который вместе с Непениным создал с нуля службу радиоперехвата на Балтике. Очень способный офицер, во всех делах будет вашим помощником. Кандидатура третьего офицера также предложена Непениным, не думаю, что вы станете возражать. Он еще молод, но весьма натерел как статист, способен грамотно готовить сводки и в полном объеме владеет обстановкой по германскому флоту. Теперь у меня все. Есть вопросы?

Молча слушавший командующего Стрельцов на секунду задумался и спросил:

– Где дислоцируется отделение?

– Вообще-то весь мой штаб расположен при мне, на крейсере. Корабль временно в море не выходит: заканчиваем ремонт после пробоины днища. Но ваше подразделение должно быть самостоятельным, поэтому размещается неподалеку в городе, возле вокзала, куда вы прибыли из Петрограда. На улице Ваксали, в одном доме с военной комендатурой. Пусть и вас все считают комендантской службой, никто нос не будет совать в чужие секреты. С жильем определитесь сами, где удобнее. До места вас проводит мой дежурный офицер, так что ступайте! Просьбы ко мне имеются? Нет? Тогда до завтра!

Илья Иванович поднялся одновременно с адмиралом, щелкнул каблуками и быстро вышел в коридор. Распахнулась соседняя дверь, вновь появился мичман Арцишевский.

– Позвольте вас познакомить с крейсером, ваше превосходительство?

– Да, пожалуй, следует оглядеться. Только недолго, дел сегодня навалится, чувствую, с гору Монблан!

– Тогда на нижние палубы пока не пойдем, а осмотримся прежде наверху.

Пока шли коридорами, Стрельцов привыкал к незнакомым запахам, стойко державшимся в корабельных помещениях. Самым явственным был запах подсохшей краски или лака, к которому примешивались оттенки: попахивало машинным маслом, влажной тканью, а более всего тянуло ароматами горячей пищи. Вспомнилось, что пора бы и пообедать. Арцишевский как будто мысли читал:

- Время обеда подошло. Может, отобедаете в офицерской кают-компании?
- Благодарю, мичман, но я бы предпочел сначала добраться до места.

Они вышли на открытую верхнюю палубу, которая к полудню оказалась освещенной лучами первого весеннего солнца, проглянувшими в разрывах низких балтийских туч. В нескольких местах на свободных пространствах очередями выстраивались с ложками-мисками матросы, получавшие у бачковых, красовавшихся в высоких колпаках, добрые порции щей с ломтями ржаного хлеба. Тут же рассаживались, кому как удобнее, и с аппетитом обедали. Стрельцову обстановка понравилась: хорошо здесь было. Аккуратно, по-людски. Оба офицера шли вдоль борта, где проход никем не занимался, изредка посматривая на обедавших в сторонке здоровых молодых людей в белых парусиновых робах, волей обстоятельств собранных здесь вместе, но чувствовавших себя совершенно привычно. «Все же флотские живут гораздо лучше, чем сей же час их братцы-солдатики», – сделал простой вывод Илья Иванович.

Он вспомнил, как всего месяц назад выезжал на фронт, в расположение одного из пехотных полков, где проводил операцию по переброске своего лазутчика в тыл противника. Две недели пришлось ждать возвращения этого человека с разведывательного задания. В памяти Стрельцова возникли картины февральских снегопадов в Польше, когда легший наземь мокрый снег быстро превращался в грязную кашу, по которой приходилось двигаться, утопая сапогами выше, чем по щиколотку. Обувь, да и вся одежда, постоянно были сырыми, обсушиться солдатам и офицерам не находилось никакой возможности. Полковника временно определили на постой в землянку старших офицеров полка, в которой быт немногим отличался от солдатского. Ощущение постоянной грязи, сырости и холода не отпускало еще долго после отъезда с фронта.

Лазутчик, которого ожидал Стрельцов, возвратился с задания живым, но с пулевым ранением в плечо. Пока этот храбрец пробирался к своим через позиции передовых германских войск, рана загноилась, поэтому Илья Иванович немедленно после встречи определил его в полевой лазарет для лечения.

В то время как медперсонал врачевал рану, он неотступно находился рядом с разведчиком, задавая массу вопросов по обстановке в тылу противника, составляя справки и схемы, чтобы сразу доложить информацию командованию фронтом, готовившему наступление. За все проведенные в лазарете дни пришлось привыкнуть к крикам страдающих людей, к вони гниющих ран, к крови, грязи, вшам. Теперь на борту «Рюрика», глядя на чистый и обустроенный матросский быт, Стрельцов невольно сравнил его с тем, что видел недавно на фронте, и повторял про себя: «Пехота бы здесь обзавидовалась!»

У трапа он сказал своему провожатому, что дальше пойдет один, потому что дорогу до вокзала прекрасно запомнил, а там отыщет нужную улицу и дом. Улыбнувшись, они пожали друг другу руки, словно старые знакомые, и разошлись по своим делам.

Ревель в дневные часы выглядел гораздо веселее, чем закончившимся хмурым утром. Едва выглянувшее солнышко, может, впервые после зимы развеяло теплым светом черные и темно-серые тени на городских улицах. Каждый дом преобразился по-своему, обрел собственные цвета, с оттенками и полутонами, засверкал бриллиантами стекол. Стрельцову хотелось подойти поближе и внимательно рассмотреть заинтересовавшие его строения, так же как он поступал в подобных случаях в Петрограде, Риме или Стокгольме. Но для исследований архитектурных изюминок требовалось время: ведь готическими башенками или новомодными окнами в стиле модерн не пристало любоваться на бегу. А сейчас он если и не бежал, то шел, торопясь, в надежде застать своих новых подчиненных на месте, чтобы решить появившиеся к сегодняшнему дню служебные проблемы.

Илья Иванович пошел не той дорогой, как утром, а двинулся из парка левее, немного обходя стену старого города. Ему хотелось расширить географические познания о своем новом

месте пребывания. Пока ему здесь все нравилось. На позитивный ход мысли его настраивали впечатления от первой беседы с командующим. Он прокручивал их раз за разом, словно граммофонную пластинку, анализируя все нюансы состоявшегося продолжительного разговора. Прежде всего в голову приходило понимание того факта, что адмирал Эссен произвел на него огромное впечатление именно как человек. Причем человек недюжинного ума и способностей. Полковнику Генерального Штаба за долгую службу пришлось немало говорить с военачальниками, начиная с самого Главнокомандующего – Великого князя, долговязого кавалериста Николая Николаевича. Если не брать академических профессоров и бывшего начальника – генерал-майора Монкевица, то по способности охватывать мыслью все, о чем идет речь в докладе, рядом с Николаем Оттовичем и поставить-то было некоего из обладателей больших эполет. Недаром умнейшие люди, Монкевиц и Эссен, нашли друг друга и дружили.

Вдруг на ходу Стрельцов наткнулся на какую-то эфемерную преграду, которая нарушила плавное течение мысли. С легкой долей досады, не поворачивая головы, он с профессиональным вниманием глянул вперед и осмотрелся по сторонам. На противоположной стороне улицы выявился объект, привлечший его внимание, – фигура молодой женщины, которая только что вышла из дверей небольшого костела, обернулась назад и быстро осенила себя католическим двоеперстием.

Стало ясно, почему вид этой незнакомки отвлек полковника от размышлений. Она совершенно не походила на ревельских дам, которых ему пришлось видеть сегодня на городских улицах. Незнакомка поражала не только стройностью фигуры, но и нездешним, пожалуй, парижским шиком. На ней прекрасно смотрелось синее шевиотовое укороченное пальто, стянутое в талии широким поясом, сверху оттененное отложным воротником из темного меха морского котика. Плоская фиолетовая шляпа с широкими полями была перевязана по тулье шелковой ленточкой того же цвета, что и пальто. На стройных ногах изящно смотрелись темные шнурованные сапожки на каблук.

Дама на мгновение задержалась на месте, мельком осмотрелась и плавной походкой двинулась в противоположную сторону. Всю эту картину Илья Иванович наблюдал не дольше одной минуты, пока незнакомка находилась в поле зрения. Она явно ему приглянулась, но не вертеть же из-за такого пустяка головой, решил Стрельцов, прогоняя образ, явившийся, будто мираж.

Дальнейший путь до двухэтажного особнячка на улице Ваксали занял немного времени и не был отмечен ничем примечательным. Подходя к месту назначения, полковник осмотрел свежепобеленные стены невзрачного здания, в окне второго этажа он увидел силуэты двух флотских офицеров. «Надо бы распорядиться насчет штор в кабинетах, ведь все нараспашку!» – недовольно буркнул он. Часовой матрос, охранявший вход, внимательно осмотрел подошедшего офицера, но, не произнеся ни слова, пропустил внутрь здания. Стрельцов поднялся на второй этаж по деревянной лестнице, скрипевшей каждой ступенькой, и понял, что его здесь ждут.

В кабинете на него внимательно смотрели те самые офицеры, которых он заметил с улицы в проеме окна. Один из них, постарше, был меньше ростом, с густой седой бородой и усами, в мундире с погонами контр-адмирала. Второй, старший лейтенант по званию, выглядел моложе, был высок, худ и носил вислые черные усы. «Непенин и Ренгартен», – догадался Илья Иванович, хотя не видел прежде ни одного, ни другого.

– Генерального Штаба полковник Стрельцов, честь имею, – представился он старшему по званию.

– Непенин, – кратко ответил контр-адмирал. – А это – ваш будущий заместитель, старший лейтенант Ренгартен. Мы с Ван-Ванычем вас уже поджидаем и гадаем, куда мог пропасть новый начальник разведки флота. Здесь от крейсера идти всего два шага.

– Прошу простить, господа, что заставил вас ждать, решил немного ознакомиться с обстановкой в районе разведотделения.

– Вот, Ван-Ваныч, прав ты оказался, когда подсказал мне, что офицер Генерального Штаба прежде проведет всестороннюю рекогносцировку, а уж потом заберется в наш «скворечник». Все, Илья Иванович, опрос прекращаю и на правах хозяина предлагаю сесть за стол пообедать. Вы же сегодня еще не ели, а на голодный желудок разговоры трудно разговаривать. Разносолов не предлагаю, пища скромная, но сытная: блюда только-только доставлены из офицерской кают-компания «Рюрика». Прошу!

Непенин развернулся и первым направился к столу, у которого вестовой матрос разливал по тарелкам горячие щи.

На столе, покрытом скатертью, уже красовалась глубокая тарелка с квашеной капустой, благоухающей ароматным постным маслом. Красивая селедочница была полна порезанной аккуратными кусками балтийской селедкой, а завершала натюрморт серебряная хлебница с горкой свежего хлеба.

– Водочки под селедку, увы, не имеется: по указу государя Императора блюдом сухой закон на Балтике, как и по всей стране. Впереди – каша гречневая с гуляшом по-венгерски. Может, не патриотично такое блюдо потреблять, воюя с австрияками, зато вкусно. Господа, компот, кофе, чай – на выбор.

Офицеры без промедления расселись за столом и убедились в правоте слов контр-адмирала. Действительно, закуски, первое и второе блюда оказались выше всяких похвал и были съедены довольно быстро. Утолив голод, Непенин со Стрельцовым, выбравшие кофе, получили на двоих дымящийся кофейник и чашки, а Ренгартен заказал консервированный ананасовый компот. Илья Иванович обратил внимание, что обеденные приборы, чашки, блюда и сахарница представляли собой фарфоровый сервиз бело-голубого цвета с золотыми буквами «Рюрикъ» на каждом предмете. Белая скатерть под ними тремя широкими полосами синего цвета с каждой стороны напоминала матросский воротник. В каждом углу скатерти блестело вышитое шелковыми нитками название крейсера.

После обеда балтийцы закурили, а некурящий Стрельцов стал с интересом ожидать обязательных в таких случаях вопросов в свой адрес. Однако вопросов на сей раз не последовало, видимо, присутствовавшие знали о новом начальнике разведывательного отделения все, что требовалось. Непенин взял инициативу в свои руки и повел рассказ о работе своего детища – радиоперехвата.

– Первые радиопеленгаторные посты мы развернули в самом начале войны в трех местах в Финском заливе: в южной части на островах Эзель и Даго, в северной части – на полуострове Гангэ. Конструкцию разведывательного радиопеленгатора разработал лично наш флотский гений, скромно сидящий за этим столом, Ван-Ваныч Ренгартен. Позже заработали еще несколько постов. Наибольшие успехи пришли после захвата германского крейсера «Магдебург».

Он в августе прошлого года на полном ходу выскочил на камни у входа в Финский залив. Наблюдатели с моего поста связи немедленно доложили о происшествии в штаб, оттуда выслали корабли, которые и окружили немцев. Те бросились врасыпную, но нам удалось захватить в плен двух офицеров и полсотни матросов. А когда водолазы обшарили дно вокруг погибшего крейсера, в наши руки попали сигнальные книги германского флота, в которых содержались кодовые таблицы, секретные карты квадратов Балтийского моря, радиотелеграфные журналы крейсера и другие документы. Я тоже там был, все трофеи лично руками перешутил. С того момента наши радиоперехватчики несколько месяцев свободно читали всю немецкую зашифрованную переписку. В начале пятнадцатого года противник опомнился и сменил коды, но мы уже развернули радиостанцию особого назначения, в штат которой зачислены опытные дешифровщики, завершающие сейчас работу над разгадкой новых кодов. Николай

Оттович Эссен высоко ценит работу службы радиоперехвата, часто требует для разбора расшифрованные телеграммы. Помню, в ноябре прошлого года, когда появились первые сведения о подрыве на наших минах броненосного крейсера «Фридрих Карл», адмирал тут же потребовал представить ему данные радиоперехвата переговоров германских кораблей для подтверждения гибели крейсера. Мы быстро нашли такие телеграммы и доставили в штаб, заслужив полное удовлетворение адмирала. Таким образом, Илья Иванович, хозяйство здесь большое и беспокойное, вам придется им командовать. У меня помимо разведки других дел с каждым днем прибавляется. Помогать вам буду, но не больше.

Стрельцов кивнул и ответил:

– Учитываю сложность обстановки и полагаюсь на помощь Ивана Ивановича Ренгартена во всем, что касается направления радиоперехвата. Николай Оттович ориентировал меня и на то, что надо использовать для сбора разведывательных сведений боевые корабли и авиацию флота.

– Верно, – продолжил Непенин. – На миноносцах, которые постоянно выходят в Центральную и Южную Балтику в походы, офицеры-штурманы составляют краткие разведывательные справки для доклада командованию. Эта же обязанность вменена и командирам подводных лодок. Немного погодя я свяжу вас с нашими авиаторами, пилоты гидросамолетов тоже много знают о противнике, правда, работают не очень активно по линии разведки. Вам нужно будет строже с них спрашивать. У меня, увы, руки до этого так и не дошли.

Молчавший до этого Ренгартен вставил свою реплику:

– Я с пилотами в хороших отношениях, все они – храбрецы отменные. Им объяснять нужно доходчивее, что требуется. Поймут – сделают в лучшем виде.

Контр-адмирал поднялся со своего места и сказал:

– В общих чертах, это все. Сейчас мы вам покажем помещения разведотделения, а потом жилье, которое вам предлагается. Минутах в двадцати пешего хода отсюда расположен неприметный пансионат на два номера квартирного типа. Один номер занимает корабельный священник, который подолгу бывает на службе в море, а второй номер – ваш. Думаю, вам понравится. Хозяйку пансионата, пожилую женщину, мы проверили на благонадежность, она заслуживает доверия. Как все эстонки, опрятна, молчалива и нелюбопытна.

Возражать Илье Ивановичу времени не осталось, поскольку быстрый в движениях Непенин уже вел его по помещениям второго этажа, где находились кабинеты разведывательного отделения. Экскурсия продолжалась недолго, потому что кабинетов оказалось всего четыре.

Контр-адмирал вскоре попрощался и уехал, а Ренгартен доложил командиру (при этом он пояснил, что по-флотски к начальнику отдельного подразделения принято обращаться, как к командиру корабля) о деятельности разведотделения.

– Наш третий офицер, Владимир Константинович Тихонов, находится в командировке на радиопеленгаторных постах в Финском заливе. Вернется в четверг, то есть послезавтра, чтобы подготовить недельную разведывательную сводку о деятельности противника на Балтийском море и на приморских направлениях.

– Хорошо, Иван Иванович, я понял. Ознакомлюсь с бумагами и тоже отправлюсь на острова изучать работу постов радиоперехвата. Будьте добры, подготовьте мне такую командировку. Ну а сводку к пятнице отныне готовим все вместе: это – итог нашей работы за неделю, вот всем за него и отвечать. А теперь, пожалуй, проводите меня в пансионат, потом вернемся сюда, я возьмусь за документы.

До места Стрельцов с Ренгартеном шли неторопливым шагом ровно двадцать минут, пока не остановились перед входом в неприметный особняк в полтора этажа. Хозяйка приняла нового постояльца в маленькой комнатке под лестницей. От парадного входа лестничные пролеты расходилась в двух направлениях, каждое из которых приводило к двери в квартиру. Илье Ивановичу досталась та, что была слева, под первым номером. Соответственно, второй номер

занимал сосед-священник. Квартира имела три отдельные комнаты и запасный выход на черную лестницу, откуда через двор можно пройти на соседнюю улицу. Расположение будущего жилья удовлетворило разведчика, и он сосредоточил свое внимание на карточке завтраков, которыми ограничивался пансион, предлагаемый хозяйкой. Обедов она не предлагала, а вечером у нее можно было заказать кофе в номер. «Ладно, с голода здесь не помрешь», – решил Стрельцов и сообщил своему провожатому и хозяйке, что его все устраивает.

На обратном пути Илья Иванович попросил Ренгартена рассказать в подробностях эпизод с захватом германских секретных документов на крейсере «Магдебург». Для старшего лейтенанта это была любимая военная история, поэтому дважды просить его не потребовалось.

Рассказ Ивана Ивановича Ренгартена.

«В ночь на 13 августа четырнадцатого года германский отряд кораблей в составе крейсеров “Магдебург” и “Аугсбург”, на котором держал флаг командир отряда контр-адмирал Беринг, а также миноносцев V-26 и Y-186, предпринял обычную для немцев в начальный период войны набеговую операцию к устью Финского залива. Видимость была очень скверной, и в половине второго ночи в густом тумане крейсер “Магдебург” на пятнадцатиузловом ходу выскочил на камни у северной оконечности острова Оденсхольм у входа в Финский залив. Видимо, главному германскому богу Одину, похороненному на острове, в ту ночь очень захотелось повеселиться в кампании моряков кайзера. Для “Магдебурга” вылазка контр-адмирала Беринга оказалась роковой. Не заметивший каменной гряды возле острова, корабль намертво застрял на мели, и, несмотря на все усилия экипажа, сняться с нее ему не удалось. Машинами моряки пробовали раскачать корабль, за борт улетели всевозможные тяжести вроде броневых дверей орудийных башен или якорных цепей, но улучшить ситуацию не смогли. Попытки подошедшего к месту аварии миноносца V-26 взять на буксир попавший в беду крейсер оказались безуспешными. Обнаружилось, что двойное дно “Магдебурга” пробито. Ранним утром рокового для “Магдебурга” дня, 13 августа, его командир, корветтен-капитан Хабенихт, принял решение оставить крейсер и подготовить к взрыву. Он осознавал, что серьезные повреждения и безнадежное состояние корабля при угрозе появления русских кораблей сводили на нет усилия по спасению крейсера.

Происшествие с “Магдебургом” случилось буквально на глазах матросов и офицеров поста нашей флотской службы связи, который располагался на острове и был соединен со штабом в Ревеле. Там расстояние было чуть больше 40 миль. Через десять минут после случившегося с острова понеслась в Ревель, на центральную станцию Южного района, телеграмма с информацией об аварии германского крейсера. Около трех часов ночи дежурный флаг-офицер доложил командующему Балтийским флотом адмиралу Эссену о происшедшем около острова Оденсхольм событии. По приказу адмирала, как только туман стал рассеиваться, к месту аварии “Магдебурга” направился дивизион наших эсминцев с базы на Ханко, выдвинулись крейсера “Богатырь” и “Паллада”, несшие дежурную службу в море. Из Ревеля по приказу Непенина пошли два миноносца службы связи флота “Лейтенант Бураков” и “Рьяный”.

Быстрое появление наших кораблей у Оденсхольма помешало германцам выполнить эвакуацию “Магдебурга”. Командир “Магдебурга” приказал обстрелять находившийся вблизи мели маяк, чтобы прервать связь поста с основными нашими силами. Меткость немецких канониров поразила наших: после обстрела на берегу сгорело деревянное строение, но сам маяк, где находилась радиостанция, не пострадал. Тем временем немецкому миноносцу “V-26”, несмотря на огонь русских крейсеров, удалось снять большую часть экипажа “Магдебурга” и, избежав погони, уйти, бросив при этом свою шлюпку с людьми и получив на отходе прямое попадание в кормовую часть. Некоторое время “Магдебург” отвечал на огонь из своих орудий, однако после отхода миноносца оставшаяся на борту часть команды корабля, приведя в дей-

ствие подрывные заряды, заложенные в носовых помещениях, прекратила сопротивление и покинула крейсер.

По уставу немецкого флота требовалось сжечь сигнальные книги в топке корабля, но она оказалась затоплена забортной водой. Поэтому их решили уничтожить, выбросив за борт. С подошедшего к месту боя миноносца “Лейтенант Бураков” к “Магдебургу” была направлена шлюпка под командой лейтенанта графа Михаила Владимировича Гамильтона, который и поднял на плененном крейсере Андреевский флаг. С миноносцев послали водолазов разыскать все, что было сброшено с корабля в воду. После недолгих поисков работа увенчалась успехом: сигнальные книги лежали рядом с бортом, судя по всему, их бросили в воду с крыла ходового мостика. В кратком бою погибли 15 матросов “Магдебурга”, а 56 человек во главе с корветтен-капитаном Хабенихтом сдались в плен русским морякам. Командир корабля Хабенихт, увидев водолазов, понял, что сигнальные книги уже в руках русских. Впоследствии он содержался в плену под усиленной стражей – необходимо было исключить для него возможность передать весть о захвате книг на родину, в Германию.

В результате захвата крейсера в штаб Балтийского флота попало большое количество самых различных документов моряков кайзера, в том числе и секретного характера. Одних только уставов, наставлений, технических описаний и формуляров было захвачено около трехсот штук. Достоянием радиоразведчиков стали чистовые и черновые журналы семафорных и радиотелеграфных переговоров (включая радиотелеграфный журнал военного времени), шифры мирного времени, секретные карты квадратов Балтийского моря и прочие важные документы по радиосвязи германского флота.

Конечно, немецкие сигнальные книги оказались самой большой ценностью среди трофеев. Один экземпляр был передан союзникам – британскому Адмиралтейству, а второй использовался командованием русского флота. Изучение других документов позволило Эссену и его окружению сделать ряд выводов, имевших значение для последующего хода операций на Балтийском море. К примеру, командованию стал известен состав германского флота, выделенного для операций на Балтийском море. На поверку он оказался значительно слабее, чем предполагал ранее Морской Генеральный Штаб, готовясь к войне с Германией. Стала яснее и оперативная обстановка на Балтийском море.

Следует, однако, отметить, что это были не первые документы по радиосвязи германского флота, с которыми познакомились мы, балтийские радиоразведчики. Еще до начала войны в штаб Балтийского флота был передан сигнальный код для кораблей германской разведочной службы, полученный по линии Особого делопроизводства Морского Генерального Штаба. Я в короткий срок выполнил перевод этого документа, что позволило уже тогда составить определенные представления об особенностях организации радиосвязи и сигналопроизводства в германском флоте. Поэтому, все “богатство” “Магдебурга”, безусловно, попало в подготовленные руки. Радиоразведчики достаточно быстро разобрались во всех тонкостях действующей организации радиосвязи германских кораблей: в правилах радиообмена, системе радиопозывных и методике составления радиограмм.

Мы считаем, что вступили в игру с хорошими козырями».

Стрельцову кое-что из сказанного было известно прежде. К примеру, о факте передачи Балтийскому флоту сигнального кода для кораблей германской разведочной службы, полученного по линии Особого делопроизводства Морского Генерального Штаба. Об этом знали многие офицеры военной разведки. Но буквально единицы из них, максимум двое-трое, знали о том, что первым состав германского флота, выделенного для операций на Балтийском море, сообщил его агент «Учитель». Данные радиоразведки позже лишь подтвердили достоверность его донесения. Но об этом нельзя сообщать даже Ренгартену.

Возвратившись в «скворечник», как метко назвал Непенин их служебное здание, Стрельцов затребовал у заместителя папки дел с радиоразведывательными документами, недельными

и месячными итоговыми разведывательными сводками. Ему хотелось самому разобраться в этой горе бумаг, чтобы решить, как строить дальнейшую работу, чтобы обеспечить Эссена и штаб Балтийского флота максимальным количеством информации о неприятеле. На столе в кабинете на листе бумаги перед ним уже красовалась собственноручно вычерченная схема задач, поставленных командующим флотом, и возможных способов их решения. Квадратики и стрелки этой аккуратной схемы помогали сосредоточиться на самом важном.

СЕКРЕТНО

Разведывательная сводка
штаба Балтийского флота
на 15 марта 1915 года

Обстановка на Балтийском морском военном театре в первой половине марта складывалась в целом неблагоприятно для нашего флота. Начало сего года совпало с планами русского верховного командования о переходе в генеральное наступление в Галиции и Восточной Пруссии. Сообразно этому, действия фланговых групп армии при наступлении в прибрежном Балтийском районе должны были получить ответственное значение. От командования флота требовалась поддержка и обеспечение со стороны моря. Однако возможности нашего флота в этом отношении остаются весьма ограниченными, т. к. фланг Северо-Западного фронта выходит к Южной Балтике, где господствуют морские силы противника и не имеется баз нашего флота. Вследствие безусловного превосходства противника, для наших операций в указанном районе предполагаются только периодические действия, разделенные более или менее продолжительными промежутками времени, без решительных столкновений с неприятельским флотом.

В интересах содействия флота наступлению армии одновременно с планировавшейся атакой на город Мемель в штабе флота разработана операция, предусматривавшая координированное с атакой занятие гавани Куришгаф и содействие из нее прибрежным частям нашей наступающей армии. Но до завершения планирования операции флота Мемель был захвачен по сухому пути силами штурмового отряда 19-го армейского корпуса и морского отдельного батальона. В ответ на это 11 марта на помощь местным ландверным частям в Восточной Пруссии подошло подкрепление германских регулярных войск, которые вытеснили русский отряд из Мемеля. Балтийский флот не смог принять участия в неподготовленной операции из-за тяжелой ледовой обстановки в Северной Балтике и Финском заливе. Тем временем верховное немецкое командование передало командовавшему на Балтике принцу Генриху Германскому часть сил флота открытого моря с задачей разрушить Либавский порт и прервать российскую морскую торговлю на северных путях. Известно, что организованный германским флотом обстрел отходящих от Мемеля русских войск не принес значительных результатов, а сильный шторм прервал его действия в Або-Аландском районе.

После завершения боев за Мемель командование германского флота предприняло шаги по наращиванию корабельной группировки в Балтийском море. Наши агентурные источники отмечают прибытие 11 марта в базу Киль отряда в составе 7 линейных кораблей додредноутного типа, 4 броненосцев береговой обороны и двух броненосных крейсеров. Переход этой ударной группировки из Вильгельмсхафена на Балтику происходил в обстановке полного радиомолчания. В то же время постами радиоперехвата разведки Балтийского флота обнаружено усиление активности действий германских миноносцев и тральщиков, увеличения числа которых на Балтийском море по отношению к прежним данным не отмечалось.

Постами радиоперехвата установлена деятельность в Северной Балтике миноносцев: У-99, V-100, S-31; тральщиков: Т-46, Т-52, Т-58 и подводных лодок: U-31, U-39.

С установлением английским флотом блокады Германии на Северном море и перенесением центра тяжести немецкой внешней торговли на Балтийское море значение балтийских коммуникаций для Германии значительно возросло. По ним противник ежегодно вывозит из

Швеции до 5 млн тонн железной руды, этот объем более чем наполовину покрывает потребности германской военной промышленности в этом важнейшем виде стратегического сырья. Из Германии в Швецию примерно в таком же количестве вывозился каменный уголь. С возможным выходом германской армии на побережье Рижского залива существенное значение для Германии приобретут воинские перевозки, связанные со снабжением их сухопутных войск в Прибалтике.

Для перевозки стратегического сырья и войсковых группировок на Балтийском море Германия сейчас использует две основные коммуникационные линии. Первая коммуникация, по которой перевозится железная руда и уголь, идет из германских портов Любек, Росток и Свинемюнде вдоль шведского побережья до портов Стокгольм, Евле и Лулео. Вторая идет вдоль южного и восточного побережья Балтийского моря и соединяет Киль с портами в Восточной части Балтийского моря. Через них противник осуществляет снабжение своих войск, рвущихся к побережью Рижского залива.

*Начальник разведывательного отделения
Балтийского флота
полковник Генерального Штаба Стрельцов*

Благотворительный прием (апрель 1915)

В текучке будней Илья Иванович не заметил, как пролетел первый весенний месяц: у него не было свободного дня, чтобы можно было бы отвлечься от дел службы. Шла война, и он, как мечтал, попал наконец в действующую армию, точнее на действующий флот. Его место по боевому расписанию было здесь – за рабочим столом. Полковник неделю за неделей сидел за чтением сотен донесений, шифровок, писем, справок, рапортов. Флотская манера произносить «рапорт» с ударением на втором слоге с непривычки резала ухо. После чтения брался за чернила и ручку, сам писал документы, рисовал схемы, глядялся в присланные фотокарточки.

Бумаги, бумаги, бумаги, горы бумаг, Монблан и Альпы, повторял он мысленно.

Служба офицера военной разведки день за днем складывается именно из скрупулезной работы с документами. Глубоко ошибаются малосведущие люди, которые полагают, что разведка – это бесконечные тайные операции, поиск тайников, погони, стрельба и прочие шпионские приключения. Отнюдь! Взять хотя бы встречу с агентом. Офицер-руководитель, прежде чем на нее отправиться, перебирает десятки возможных мест, где контакт с источником информации будет безопасен. По картам городов надо искать удобные подходы к месту встречи и пути ухода с нее. Мысленно колесить по выбранной карте, отмечая красными кружками опасные районы, где легко наткнуться на вражеских контрразведчиков, полицейских и их осведомителей, а то и на любопытствующих горожан.

Хорошо, когда место подобрано заранее. Это облегчает дело. Но подготовка к встрече продолжается, ведь ценный источник информации может располагать крайне малым временем для беседы. Руководителю в таком случае надо успеть в короткий срок подробно опросить своего *vis-a-vis* о выполненных поручениях, а затем доходчиво поставить ему другие задачи и дать инструкции, которые определяют способы их решения. Для плодотворного общения с агентом офицеру следует в мельчайших подробностях знать обстановку в стране, где работает источник, его возможности по добыванию разведывательных сведений. И уж конечно, досконально знать объект, по которому будет вестись разведка.

Для Стрельцова таким объектом стал флот кайзера и те сухопутные войска, которые наступали на позиции русской армии с приморского направления. Он собрал целую коллекцию фотокарточек боевых кораблей противника, постоянно рассматривал одну за другой и учил наизусть боевые возможности, места базирования кораблей, фамилии командиров. Через некоторое время он сам мог объяснить, чем различаются между собой линкоры «Эльзас» и «Брауншвейг», какой экипаж у линкора «Нассау» и кто им командует. Начал свободно разбираться в видах артиллерийского и минного вооружения крейсеров и эсминцев, представлял возможности подводных лодок. Что же касается частей германской армии, то полковник имел о них полное представление еще с того времени, когда служил в Генеральном Штабе, поэтому в Ревеле только следил за переменами в их дислокации.

Огромную помощь в изучении армии и флота противника оказывали данные радиоразведки, поступающие с пеленгаторных постов. В марте Илья Иванович осуществил свое намерение выбраться на острова Эзель и Даго, где ознакомился с деятельностью островных постов.

Старший лейтенант Ренгартен – молодец, причем молодец во всех делах, за которые брался. Стрельцов в первый день службы в Ревеле поставил заместителю задачу: подготовить командировку на острова, где ему, офицеру агентурной разведки, удастся досконально узнать особенности службы радиоразведчиков. Буквально через день Ренгартен доложил, что можно отправляться в командировку, потому что на постах ждут прибытия начальника разведывательного отделения и пребывают в готовности раскрыть все тонкости успешной работы. Теперь

уж Стрельцову понадобилось готовить самому себе время на отъезд из штаба флота, где он постоянно требовался командованию.

Такое время нашлось в начале третьей декады месяца. Лед на заливе стоял еще крепкий, поэтому в путь до ближайшего к матерiku острова Даго Илья Иванович отправился на легких санях, запряженных резвой лошадкой. За извозчика в санях сидел матрос из охраны, второго матроса, вооруженного до зубов, настоял взять с собой контр-адмирал Непенин. Он всю силу убеждения пытался доказать Стрельцову, что обстановка в Рижском заливе стала тревожной из-за стремления германцев любыми путями хозяйничать на его просторах. Конечно, полковника Генерального Штаба пронять «страшными» рассказами было сложно, но он благо разумно решил не спорить с начальством и взял в поездку охрану.

Дорога оказалась долгой, а погода выдалась пасмурной. То и дело сверху засыпало снежком, потом поднимался ветер, и заряды снега, усиленные им, налетали со всех сторон. Санний путь на остров местные эстонцы накатывали ежедневно, поэтому сбиться с него, даже в пургу, не представлялось возможным. После надоевших ледяных торосов вдоль колеи быстро катившиеся санки как-то вдруг обступил береговой сосновый лес. Стрельцов, изучивший карту местности перед поездкой, сразу прикинул, что езды до места назначения осталось не более часа, и засек время. Действительно, минут через сорок пять путники оказались возле глухого забора из свежего теса. Приехали!

Тяжелые ворота не широко, только для проезда саней, открыл часовой, одетый так же, как спутники Стрельцова, в длинную овчинную шубу и валенки. Пропуская приезжих, часовой для порядка спросил пароль, хотя, видимо, давно ожидал командированных из Ревеля. В ответ на пароль Илья Иванович произнес отзыв и услышал басовитое матросское «Проезжай!». Внутри огражденной территории стояли деревянные домики барачного типа. Дверь ближайшего из них отворилась, и навстречу саням вышел офицер в черной шинели и фуражке.

Он представился начальником 1-го радиопеленгаторного поста Балтийского флота лейтенантом Булавиным. Илья Иванович выбрался из санок и размял затекшие от долгой дороги ноги, обутые в меховые сапоги. С удовольствием потопал по жесткому ноздреватому снегу, хрустевшему мелкими льдинками, и огляделся вокруг. «Хм, иллюстрация к роману Джеймса Фенимора Купера, – пришло ему в голову. – Североамериканский форт времен войны с индейцами: высокий деревянный забор с прочными воротами, наблюдатели на вышке, вооруженная охрана, дощатые домики и военный люд возле них, того и гляди ирокезы появятся». Булавин, не мешкая, увлек за собой прибывшего начальника и с гордостью демонстрировал свои владения.

Прежде всего, они остановились на пригорке, у основания которого росло несколько сосен. Выше их макушек в небо устремилась металлическая труба, прочно державшаяся на стальных растяжках. Запрокинув голову, Стрельцов разглядел на вершине трубы направленные в разные стороны тонкие металлические стрелки.

– Здесь установлена двенадцатиметровая антенна берегового радиоразведывательного поста системы Ренгартена. Антенна – зонтичного типа, состоит из тридцати двух лучей-радиусов, ориентированных на местности согласно компасным румбам, отчего именуется «радиостанцией компасного типа», – объяснил лейтенант.

– Как далеко вы на посту можете фиксировать германские корабли?

Профессиональный интерес полковника был вполне предсказуем. Ответ его вполне удовлетворил:

– Берем акваторию Центральной Балтики, вплоть до линии Либава – Эланд, а это – почти две сотни морских миль!

– Хорошо, лейтенант, пойдете смотреть работу ваших радистов.

– Тогда прошу пройти в штаб. Он размещается в том доме, что поменьше. В большом бараке за штабом у нас казарма, а мелкие домишки – это хозяйственные службы.

К штабу от антенной площадки вела аккуратная дорожка, выложенная крупной береговой галькой. Весенний снег на плоских камнях совсем сошел. В незапачканной обуви офицеры вошли внутрь штабного помещения. На воздухе ощущался легкий морозец, а в доме с утра хорошо протопили. Булавин провел гостя в просторный зал, заставленный канцелярскими столами. За некоторыми из них работали офицеры и кондукторы, а остальные использовались для анализа информации: на них лежали ленты донесений, карты и документы, чистые листы бумаги. Илья Иванович осмотрелся и направился к дальнему столу, на котором стоял громоздкий прибор, похожий на большой чемодан, поставленный «на попа». Между деревянными панелями и металлическими планками «чемодана» были видны круглые рукоятки, которые плавно вращал офицер в защитной сухопутной форме с погонами прапорщика.

– Это наш лучший оператор, – представил молодого человека командир.

Прапорщик поднял глаза, снял с головы маленькие металлические наушники с гуттаперчевыми прокладками и как-то не по-военному, нескладно поднялся, но представился глубоким поставленным голосом, без запинки:

– Прапорщик Оленев, старший смены!

– Откуда же вы, Оленев, сюда прибыли? – поинтересовался Илья Иванович.

– В январе окончил Московскую школу прапорщиков, куда по призыву меня направили со второго курса консерватории, я учился там по классу вокала.

Заметив удивленный взгляд Стрельцова, Булавин прояснил ситуацию:

– У прапорщика абсолютный музыкальный слух. Он в радиоэфире может улавливать и квалифицировать такие малозаметные шумы, которые всему нашему составу операторов отличить в сплошном потоке потрескиваний и попискиваний просто невозможно. Оленев без ошибок определяет их как работу радиостанций противника. Недаром он со своими слуховыми способностями и, конечно, прекрасным баритоном получил ангажемент в частной опере Зимина в Москве, будучи студентом консерватории.

Илья Иванович удивился еще больше и развел руками.

– Бывал я перед войной в опере Зимина на Большой Дмитровке, Шаляпина слушал. Но предположить, что буду служить в разведке вместе с оперным певцом, ни в коем случае не мог.

Прапорщик скромно возразил:

– Да, собственно, я только начинающим исполнителем был, с Шаляпиным и рядом не стоял...

– Ну, ничего, после войны вернетесь на сцену, все цветы и аплодисменты будут вашими. Кстати, Оленев, почему вы здесь до сих пор в армейском щеголяете? Давно уж флотскую форму пора заказать и переодеться.

– Из-за большой загруженности по службе никак не получается съездить в Ревель на склады.

За подчиненного заступился начальник:

– Я уже отправил интендантам все мерки и накладные на пошив новой формы. Обещали привезти. А отпустить Оленева хотя бы на день с острова я пока не могу, поскольку он крайне требуется здесь. Сложилась такая ситуация: немцы в начале года сменили свои шифры и активизировали радиообмен. А наши криптографы на днях раскрыли эти коды, поэтому мы снова читаем все перехваченные сообщения. Идет масса важных данных, и каждый специалист на посту на вес золота, поскольку обеспечивает общую результативную работу.

Стрельцов удовлетворенно кивнул и сказал:

– Хорошо, лейтенант. Занимайтесь пока своими делами, а я посижу за столом с Оленевым и попытаюсь вникнуть в тонкости радиоперехвата.

Булавин расстроено произнес:

– А как же обед? У нас все к вашему приезду подготовлено. Я вам остальных офицеров представлю...

– Давайте позже. Я в дороге перекусил домашнего, так что пока спокойно поработаю под началом бывалого оператора. За стол вечерком вместе сядем. А пока будьте добры, распорядитесь мне сюда стакан крепкого чаю с сахаром.

Действительно, сорокалетний полковник, словно стажер-кондуктор, до вечера просидел в наушниках рядом с прапорщиком, оказавшимся опытным учителем. Постепенно ему становились ясны принципы этой сложной и напряженной работы. Когда появились первые навыки, пришли и результаты. Среди них в его радиоперехвате наряду с рутинной информацией, например о бункеровке топливом некоего вспомогательного судна в Мемеле, неожиданно оказалось важное сообщение о выходе подводной лодки U-33 из военно-морской базы Киль на боевое дежурство в Балтийское море. Стрельцов почувствовал себя именинником и воздал должное Оленеву как инструктору.

На следующее утро, отправляясь инспектировать пост на острове Эзель, Илья Иванович в разговоре с лейтенантом Булавиным распорядился:

– Вам надлежит срочно подготовить и направить мне представление на Оленева. Следует присвоить ему звание подпоручика корпуса корабельных инженеров и вручить новые погоны одновременно с формой военно-морского офицера. Представление я немедленно подпишу у командующего флотом. Такие талантливые офицеры должны не только сами работать, но и учить начинающих.

Мартовская поездка на островные посты осталась в памяти Стрельцова: ведь у него в начальный период флотской службы живой оперативной работы почти не случалось. В то же время день ото дня крепло предчувствие того, что надвигаются интересные события. И предчувствие сбылось. В первых числах апреля полковник получил зашифрованное сообщение от «Фридриха», замаскированное под обычное письмо. Нераспечатанное и непрочитанное, оно лежало в кармане куртки: получать агентурную корреспонденцию он ходил в штатском. Направляясь обрабатывать донесение, он ощущал волнение, присущее охотникам, ожидавшим верную добычу. Расставаться с укрепившимся в душе предчувствием сразу не хотелось: как в детстве, важнее был не сам праздник, а его ожидание. Искушенный опытом разведчик понимал: вскрыешь конверт – предчувствие уйдет. Сообщение будет важным, и те сведения, которые в нем содержатся, повлекут за собой круговерть новых дел. Душа офицера просила небольшой паузы.

По дороге Стрельцову попалось маленькое кафе в подвальчике в центре Ревеля, эстонский *koffik*, куда он решил заглянуть и посидеть за чашкой кофе, немного продлевая для себя мгновения ожидания чего-то важного. Удобно расположившись за столиком в углу возле входа, Илья Иванович с блаженством маленькими глотками потягивал бодрящий напиток и разглядывал интерьер заведения с его посетителями. Все было незамысловато: полдюжины столиков, за которыми торопливо пили горячее молоко, шоколад или кофе спешившие куда-то мужчины и женщины. Тусклый свет в зале давали два окна, прорубленные на улицу так низко, что у шедших по тротуару прохожих были видны только ноги и туловище без головы. От входной двери в зал спускалась чугунная лестница в пять ступеней.

Дверь распахнулась в очередной раз, вошедшая посетительница, легко придерживаясь за перила, неторопливо спустилась по ступеням и направилась к столику у окна. Стрельцов замер: в кафе зашла красивая молодая женщина, которая попала ему на глаза месяц назад возле костела. Сегодня она вновь выглядела эффектно, как в тот день, только на сей раз ее наряд смотрелся, словно сама весна. Светло-бежевый жакет тонкого сукна, расшитый по лацканам модной вышивкой, едва доходил даме до середины бедра. Коричневая юбка-клевш была украшена двумя рядами пуговиц того же светлого цвета, что и кожаные туфли на каблуке. Полноту картины завершала шляпа песочного цвета и стильно оттенявший ее коричневый шелковый платок на шее. Незнакомка села, заказала кофе и стала задумчиво смотреть в окно. Взгляду

Стрельцова был открыт ее профиль. Сверкающей капелькой покачивалась изумрудная сережка в золотой оправе. Эта безделушка выглядела необычно для Ревеля, где дамские украшения представляли собой янтарь во всех видах.

Глядя на незнакомку, Илья Иванович не мог не вспомнить когда-то прочитанное стихотворение петербургского таланта Александра Блока:

...Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

Вдруг до него дошло, что он сидит в своем углу и по-мальчишески подглядывает за красивой женщиной. «Осталось только рот разинуть от удовольствия», – ругнулся он мысленно и поднялся из-за стола. Его движение не осталось незамеченным для дамы: она взглянула в его сторону, удивленно откинув голову. Боковым зрением Стрельцов отметил некое подобие улыбки на пухлых немного губах. Илья Иванович вышел на улицу, где в лицо подудло теплым апрельским ветерком. «Пасху только что отпраздновали, – пришло в голову ни с того ни с сего. – Должно быть, оттого и приятное настроение», – соврал он себе. А в глазах стоял образ прекрасной дамы.

Через час Стрельцов, сменив штатское на военное, появился в «скворечнике». Быстро прошел в свой кабинет, закрылся и взялся колдовать с химическими реактивами, чтобы приготовить раствор для проявления тайнописного текста в присланном письме. В белом халате, надетом поверх формы, он был похож на врача из гарнизонного госпиталя. Но вместо врачевания полковник с наслаждением занимался «алхимией». Листочки письма лежали в кювете, куда он аккуратно заливал растворы. Агентурное сообщение наконец полностью проявилось, и Стрельцов, словно голодный за столом с яствами, быстро, одним взглядом проглотил длинный текст на мокрой бумаге. В нем содержались важнейшие сведения о перегруппировке войск противника на Прибалтийском направлении. Этот доклад «Фридриха» требовалось немедленно доложить адмиралу Эссену. Переписать начисто тайнописное сообщение на специальном бланке не потребовало много времени. Еще немного ушло на то, чтобы добраться до «Рюрика». Командующий флотом работал у себя.

Начальника разведывательного отделения без промедления пропустили к адмиралу. Они поздоровались, затем полковник положил на стол листы бумаги в красной кожаной папке.

Эссен вопросительно поднял глаза на Стрельцова, и тот отчетливо доложил:

– Николай Оттович, я только что получил важное сообщение от агента «Фридриха».

Командующий внимательно, раза два пробежал глазами три странички рукописного текста. Потом положил донесение поверх остальных документов, потер пальцами виски и заговорил тихим голосом усталого человека:

– Все правильно, этого следовало ожидать. Противник снимает войска с Западного фронта и направляет на Восточный, чтобы в течение текущего года разгромить русскую армию единовременными мощными ударами в Прибалтике, в Польше и в Галиции. Ваш агент сообщает, что в Киль прибыли два армейских корпуса, предназначенные для высадки в северной части Рижского залива близ Пернова. Конкретно это выливается в четыре кавалерийские и четыре пехотные дивизии. Хороший кулак у них на нашу макушку замахивается. Если считать Польшу – грудью, Галицию – подбрюшьем, то здесь у нас – как раз макушка, выходит. Дней десять надо германцу на переброску и развертывание корпусов, а в середине апреля на Приморском направлении начнется наступление, попомните мои слова.

Постепенно голос адмирала окреп, он поднялся и начал шагами мерить пространство от письменного стола до двери, размышляя при этом вслух:

– Значит, есть у неприятеля намерение прорваться в Рижский залив и высадиться у нас под носом, чтобы создать группировку, нанести удар в тыл Рижскому укрепленному району, а после развернуть штыки в сторону Ревеля? Нет, господа хорошие, этот номер у вас не пройдет! Вход в Рижский залив пока беззащитен, но я сегодня же отдам приказ Канину слить первую и вторую Минные дивизии в единое соединение и погоню вскачь все «эскадронные» миноносцы для перекрытия Ирбенского пролива минными заграждениями. Не видать им Рижского залива, пока я жив!

Эссен остановился и резко повернулся к Стрельцову:

– Отлично сработано, Илья Иванович, благодарю за службу И агента этого, «Фридриха», поощрите за своевременное сообщение особо ценных сведений. Как у вас принято, деньгами, регалиями? Представляйте, подпишу! Что он там еще доносит? Произвел вербовку информатора в порту Киль? Может, это новый агент добыл сведения по сосредоточению там германских корпусов? Тогда поощрите обоих! О-ох, Господи, Боже мой, я, пожалуй, присяду – что-то нездоровится сегодня.

Илья Иванович сделал шаг вперед, чтобы помочь адмиралу сесть, но тот отмахнулся и медленно, с гримасой боли опустился в кресло. Повисло тяжелое молчание. Больно было видеть эту физическую муку. Христианской душе свойственно сострадание к человеческим мучениям. Здесь, в адмиральском салоне, Стрельцов видел перед собой совершенно больного человека, который сознавал, что несет огромное бремя ответственности, но не мог позволить себе отдыха даже для лечения тяжелого недуга.

С горечью в душе полковник подумал, что надо заполнить возникшую паузу, и хрипловатым от волнения голосом начал излагать перспективный план работы с агентами:

– Николай Оттович, прошу утвердить план встречи с «Фридрихом». Мне необходимо получить от него сведения по обстановке, в которой он сейчас работает. Это требуется для сравнения с данными из других источников и анализа положения «Фридриха», чтобы быть уверенным в его безопасности. Вторая задача на встречу – произвести денежный расчет с агентом. У него большие расходы на разведывательную деятельность, поэтому нам следует покрыть их и вручить такую сумму, которая бы позволила ему чувствовать себя свободно. Третья задача – получить материалы на завербованного «Фридрихом» агента в Кильском порту. Буду проверять новичка по всем доступным нам каналам, чтобы его внедрение не нанесло ущерба действующей в Германии агентурной сети. И самое главное – «Фридриху» будут поставлены новые задачи, исходящие из тех целей, которые вы, Николай Оттович, определили разведывательному отделению флота.

Адмирал немного ободрился и внимательно слушал доклад разведчика. Немного помолчал и ответил:

– Задачи на встречу у вас на самом деле важные. Утверждаю! Но вновь подчеркиваю: главнейшая задача – обеспечение полной безопасности встречи. Где и когда вы ее наметили?

– В Стокгольме, в первых числах мая, то есть через месяц.

Эссен задумался и повторил:

– В Стокгольме, в первых числах мая... И до Стокгольма, скорее всего, поездом из Гельсингфорса?

– Совершенно верно, Николай Оттович!

– Вот это неправильно. Из Ревеля до Аландских островов пойдете на эсминце. Там из Мариенхамны под нашей охраной в Швецию по назначению бежит финский пароходик. По шведским документам едете? Хорошо. На финском судне попадете на шведский берег, а там уж до Стокгольма недалеко. Я отдам Непенину необходимые распоряжения по вашему маршруту.

Стрельцов поразились, насколько легко командующий флотом от обсуждения сугубо военных, оперативно-тактических вопросов перешел к тонкой материи агентурной работы. А уж то, что руководитель высшего ранга всерьез озаботился безопасностью поездки одного из

многих своих офицеров, тронуло полковника до глубины души. Между тем Эссен продолжал развивать свою мысль:

– Обратно, кстати, тем же путем вернетесь. Эсминец будет ждать вас в Аландских шхерах. Готовьтесь, времени у вас не так уж много. – Адмирал как-то пожевал губами и вдруг ворчливо продолжил: – Дни летят быстро, дел – невпроворот, а мне тут еще Благотворительный прием организовать велели!

Стрельцов от неожиданных слов адмирала выпалил по-простецки:

– Да кто ж велел-то?

Эссен заулыбался:

– Самое что ни на есть высокое начальство: Дамское морское благотворительное общество во главе с благоверной моей супругой Марией Михайловной. Собирай, говорят дамы, свой штаб, высших городских чинов Ревеля, почетных граждан, купечество и духовенство в Офицерском собрании. Духовенство, кстати, поддержало идею обеими руками: дескать, после Пасхи сам Бог велел. Да и наши кое-кто, к примеру, тот же Василий Александрович Канин: у него супруга вместе с моей в Дамском обществе занята. Прижали меня к стенке: самое время, утверждают. Победы надо вспомнить, героев наградить, павших помянуть, пожертвовать их семьям, кто сколько может. Куда же денешься от благого дела? Пришлось согласиться, хотя, повторяю, забот – полон рот. Так что, Илья Иванович, надевайте ордена, выделите сумму на пожертвование, и в воскресенье вместе со всеми пожалуйте на Благотворительный прием. А вам потом с бала и на корабль вскоре!

Разведчик ушел, а адмирал откинул голову назад и решил отдохнуть, полулежа в кресле, с закрытыми глазами. Сами собой нахлынули воспоминания. Странно, ведь он почти не вспоминал об этих событиях четвертьвековой давности. А теперь ясно увидел себя молодым лейтенантом, выпускником Артиллерийских классов. Рядом с ним стоит черноволосая барышня, невеста. Вскоре они поженились в Ревеле, где у Марии Михайловны жили родители. Улыбка вдруг тронула губы Николая Отговича: он вспомнил, что кое-кто из офицерских жен, любительниц посплетничать, распустил слух, что лейтенант «женится для протекции». Поводом стал факт того, что родной дядюшка лейтенантской жены занимал высокий пост в Морском министерстве. Слухи недолго гуляли по кронштадтскому гарнизону, потому что Эссен ушел в далекий трудный поход на Дальний Восток. Какая уж тут протекция! В его отсутствие в семье появился первенец – дочь Ольга. Николай Отгович очень любил свою супругу, позже она родила ему еще сына Антония, на ней всегда держался их дом. Мария Михайловна оказалась деятельным человеком, поэтому ее участие в Дамском морском обществе воспринялось как событие совершенно естественное. И на проведение бала адмирал согласился без раздумий, хотя ворчал для приличия.

Новость о предстоящем благотворительном мероприятии оказалась сюрпризом не только для Стрельцова, но и для большинства офицеров штаба Балтийского флота, участие которых объявлялось обязательным.

Группа офицеров в парадных мундирах стояла на ступенях двухэтажного здания с колоннами, в котором задолго до начала войны расположилось Офицерское собрание Ревельского гарнизона. Рядом со Стрельцовым дымил папиросой князь Черкасский, капитан 1-го ранга, начальник оперативной части штаба. Чуть дальше стояли флагманский артиллерист и полковник корпуса корабельных инженеров – флагманский механик, этих людей Илья Иванович знал только в лицо, а близко знаком не был. Обращаясь к князю, он удивленно спросил:

– Что-то вы, Михаил Борисович, мрачнее тучи выглядите... По-кавказски эмоциональный Черкасский взял Стрельцова за локоть и с жаром заговорил:

– Понимаете, Илья Иванович, стало известно, что немцы готовят наступление у нас под боком, в Прибалтике. Сообщения идут из Ставки, из Петрограда, из штаба шестой армии.

Все командование знает, что противник вот-вот попрут всю силою. Николай Оттович совершенно резонно потребовал разрешения использовать новые линкоры «Севастополь», «Гангут», «Полтаву», «Петропавловск», чтобы поддержать наши войска и завоевать превосходство в Центральной Балтике. Мы трое суток не выходили из его кабинета – закрывшись, разрабатывали план морской наступательной операции. Поверьте, все было обосновано, все красиво... И что же?! Из Петрограда в ответ на наши предложения пришла прежняя отговорка: «Разрешения на вывод линейных кораблей за Центральную минно-артиллерийскую позицию нет!» Илья Иванович, дорогой, ну не обидно, а?! Причем знаю: это не Григорович с Русиним палки в колеса вставляют. Запрет идет свыше... Да, ладно, не успокаивайте! Кстати, не один я сегодня мрачный: вон приближается вице-адмирал Ферзин, командир бригады линейных кораблей, и у него на лице радости не заметно. Он тоже с нами документы ночи напролет разрабатывал.

Ферзин, не здороваясь, прошел в здание, а к офицерам энергичной походкой прямо-таки подбежал худощавый капитан 1-го ранга Колчак, командир отряда минных заградителей.

– Ну, Александр Васильевич, вы, извините, словно Фигаро: Фигаро здесь, Фигаро там! Дня два, как ушли, а уже вернулись, – с улыбкой заметил флагманский артиллерист.

Колчак снял перчатки и поздоровался со всеми за руку:

– Смею заметить вам, господа, что дело минных постановок на виду у неприятеля промедлений не допускает.

Сделали – и восвояси! Я буквально час назад ошвартовался в Ревеле. С корабля на бал!

– Германские корабли появлялись, Александр Васильевич? – поинтересовался Стрельцов, вспомнив, как Эссен переиначил известную поговорку.

– Бог миловал! Вышли мы ночью, в условиях радиомолчания, а днем погода в море скверная установилась. Поверьте, господа, ни черта видно не было. Вот супостат и переждал до лучших времен у своих причалов. А у меня экипажи натренированные – все выполнили, будто штиль на море. Вернулись быстро и без потерь.

Колчак достал папиросу из серебряного портсигара и закурил.

В этот момент по ступеням поднялся контр-адмирал Непенин, который в ответ на приветствия офицеров укоризненно сказал:

– Пойдемте в зал, господа. Нехорошо: командующий давно на месте, а его штаб дымит папиросами на лестнице!

В большом зале, где проводились торжественные мероприятия, подготовка к празднику завершилась и становилось многолюдно. В дальнем углу, отражаясь медью труб в глянце паркета, гарнизонный духовой оркестр в четверть возможностей готовился к выступлению. Робкие звуки его басов и альтов почти не прослушивались в гомоне голосов собравшихся. В центре зала вокруг адмирала Эссена собралась группа командования: вице-адмиралы Канин и Ферзин, контр-адмиралы Непенин, Бахирев, командир бригады крейсеров, и Левицкий, начальник подводных сил. Из высшего состава отсутствовал только начальник штаба флота вице-адмирал Кербер, который остался командовать в Гельсингфорсе. С Эссенем о чем-то вполголоса беседовал известный всему Ревелю эстляндский губернатор генерал-майор Николай Павлович Коростовец. Ближний полукруг за адмиралами образовали командиры кораблей и офицеры штаба, среди которых был и Илья Иванович Стрельцов.

Полилась красивая музыка вальса «Амурские волны», под аккорды которой в зал входили почетные гости. Возглавил шествие архиепископ Рижский и Митавский Агафангел. Командование флотом направилось навстречу владыке, Эссен и Коростовец испросили благословения. Агафангел, обычно избегавший чествований и банкетов, богоугодное действие благословил.

Последующих гостей, подходивших к командующему, представлял дежурный офицер штаба. Среди пришедших были видные купцы, занимавшиеся поставками оружия, амуниции и

продовольствия на корабли, почетные граждане Российской империи и города Ревеля, городское руководство столицы Эстляндии.

Илья Иванович неожиданно почувствовал внутри нарастающий жар, объяснения которому сразу дать не мог. Вдруг он услышал, как адмиралу представляют очередных гостей:

– Гласный Городского собрания Ревеля – господин Феликс Тамм и его супруга, госпожа Кристина Тамм.

Полковник не мог объяснить себе, как он оказался в первом ряду офицеров, хотя минутой прежде стоял сзади и вполголоса продолжал беседу с Колчаком. Теперь прямо перед собой он видел примечательную супружескую чету: высокого одутловатого мужчину, похожего на внезапно выросшего пухлого младенца, с белесыми бровями, густой рыжей шевелюрой, переходящей в шкиперскую бородку, и сопровождавшую мужа темноволосую стройную красавицу. Именно ее Стрельцов дважды встречал в городе. Пока Феликс Тамм что-то говорил адмиралу Эссену и губернатору Коростовцу, его супруга стояла в метре от Стрельцова и с легкой улыбкой смотрела на него. Разведчик в ответ почтительным поклоном головы приветствовал даму. Когда Илья Иванович поднял голову, командующему представляли следующих гостей. Супруги Тамм неторопливо удалялись к противоположной стене с высокими окнами.

Поток гостей постепенно иссяк, оркестр умолк, и взоры присутствовавших обратились к невысокой скромно одетой женщине, смело вышедшей в центр зала. Распорядитель громко объявил, что устроителей и гостей Благотворительного приема приветствует учредительница Дамского морского общества Мария Михайловна Эссен. Супруга командующего изящно поклонилась и без пафоса сообщила, что общество возникло 14 августа прошлого года, а уже через месяц благородные цели женщин завоевали симпатии широких морских кругов. Первыми жертвователями стали сами устроительницы общества и его почетные члены. Пример подчиненным подал морской министр адмирал Иван Константинович Григорович, который сделал взнос – 400 рублей.

Дальше голос женщины немного дрогнул от нахлынувшего волнения. Она заговорила о том, что в сентябре четырнадцатого года в морском бою на Балтике погиб крейсер «Паллада», а вместе с ним почти шесть сотен человек экипажа. Совет общества решил немедленно оказать посильную помощь семьям погибших офицеров и нижних чинов. Поток пожертвований в этот период заметно возрос, причем присылали деньги не только военные моряки, но и гражданские лица: например, Ревельский судостроительный завод выделил сумму в 174 рубля, а от московского кружка обновления флота прислали 50 рублей. На благотворительном концерте певицы контральто Горленко-Долиной были проданы семь картин Бенуа. С целью получения сведений о материальном положении семей, потерявших кормильцев, были сделаны срочные запросы в полицейские управления по месту их проживания. Нуждавшимся в помощи лицам была произведена выдача пособий. С начала пятнадцатого года семьям погибших членов экипажа крейсера «Паллада» было послано пособий на сумму 9535 рублей.

После этих слов зал буквально взорвался аплодисментами, раздались крики, что все присутствующие готовы сделать пожертвования. Но Мария Михайловна подняла руку, дождалась, пока утихнет шум голосов, и продолжила говорить о том, что общество старалось помочь всем семьям пострадавших и нуждавшихся моряков, ходатайства которых поступали в совет. К началу марта на их удовлетворение выделили 8304 рубля. Кроме того, матросам, уволенным со службы «за ранами, увечьями и болезнями», выдавались пособия от 10 до 30 рублей. Только после этого сообщения госпожа Эссен призвала присутствующих сделать посильные пожертвования на благородные цели.

Супруга вице-адмирала Канина – казначей Дамского общества – вышла с большим медным подносом, вслед за ней подносы вынесли еще несколько женщин. Начался обход собравшихся гостей. Широкий жест в числе первых сделал эстляндский губернатор, заявивший, что от имени жителей губернии жертвует тысячу рублей. Поступок генерала вызвал гул одобрения

в зале. Оркестр грянул марш «Гордый “Варяг”»: патриотическая музыка поднимала общий настрой. На подносах у дам росли кучки ассигнаций, золотых и серебряных монет, драгоценных украшений. Офицеры штаба, сговорившись между собой, пожертвовали по пятьдесят рублей каждый.

Строгие марши сменились лирическими вздохами вальсов, первым среди которых был, несомненно, «На сопках Маньчжурии». Обход зала для совершения жертвований завершился, но благотворительные мероприятия продолжались. Открылись киоски для продажи шампанского, господ офицеров приглашали покупать и не скупиться, поскольку выручка также шла в фонд Морского дамского общества. Адмиралы и офицеры вместе с промышленниками, купцами и прочими гостями потянулись к киоскам, уставленным бутылками французского шампанского темного стекла. Официанты хлопали пробками, расторопно наполняли высокие бокалы и расставляли на столах, помещенных вдоль стен.

Звуки музыки вновь стали плохо различимыми из-за многоголосого шума. Люди стояли у киосков, у столов с шампанским и прохладительными напитками, возле окон, а то и просто прогуливались по просторному залу. Илья Иванович, устав от разговоров, с бокалом шампанского отошел от компании и стал без всякой мысли смотреть в темное окно. Его уединение продолжалось несколько минут, потому что вскоре в оконном стекле, как в зеркале, отразился женский силуэт. Резко развернувшись в сторону публики, Стрельцов увидел то, что более всего хотел видеть в тот момент. Мимо по залу в одиночестве проходила она! Дама была одета изысканно и скромно одновременно. Ее вечернее платье бирюзового цвета смотрелось празднично, но закрытый фасон с длинными рукавами подчеркивал, что предназначено оно не для светского бала, а для официального приема. Колье, серьги и кольца представляли собой неброский, но эффектный гарнитур из изумрудов, оправленных в золото. При этом красавица не была бы самой собой, если бы не нашла какую-то изюминку в костюме – на сей раз эта роль досталась широкому поясу платья, завязанному спереди большим бантом ровно на такой высоте, которая без скромности подчеркивала ее высокую грудь.

Полковник сделал несколько решительных шагов вперед и встал так, чтобы дама повернулась лицом к нему, а к залу спиной. Разговор начал, будто они были уже знакомы:

– Госпожа Кристина Тамм...

Конечно, она встала так, как ему хотелось, но ответила незнакомцу неожиданно раскованно:

– Госпожа Кристина здесь... Феликс – там, с губернатором наговориться не может. А я – здесь, прогуливаюсь. И опять встречаю вас, в который раз за последнее время. Кто вы такой? Уж не следите ли вы за скромной замужней женщиной?

В вопросе звучало открытое кокетство. Илья Иванович предпочел ответить прямо:

– Полковник Стрельцов Илья Иванович, прибыл в Ревель месяц назад из Петрограда. А город ваш оказался настолько мал, что мы с вами встречаемся буквально на каждом шагу. Прошу прощения, госпожа Кристина...

– Лучше просто Кристина.

– Хорошо. Позвольте, Кристина, предложить вам крошона или лучше бокал шампанского? Прием ведь идет, этикет того требует.

Кристина подняла на собеседника выразительные изумрудные глаза, улыбнулась и спокойно ответила:

– Шампанского так шампанского! Я его сегодня не пробовала.

Через секунду Стрельцов церемонно поднес даме бокал и спросил:

– На представлении адмиралу вашу прическу венчала диадема, такая же, как колье. Куда она исчезла?

– Какой вы наблюдательный человек, а не сыщик ли вы на самом деле?

– Я – интендант. Но в жизни меня привлекает все прекрасное.

Собеседница оценила признание. Последовал легкий кивок, а затем исчерпывающий ответ на вопрос:

– Диадема пошла на пожертвование. Муж положил на поднос какие-то ассигнации, а у меня с собой не было ни рубля. Но Святая Дева Мария подсказала, что на благое дело мне должно самой внести взнос. Я выбор сделала без колебаний.

– Решительная вы женщина, Кристина.

– Приятно слышать такое от человека военного, к тому же награжденного орденами. А вы что же сегодня один? Где ваша супруга?

«Кристина изучает обстановку», – не без иронии отметил про себя Илья Иванович, но ответил серьезно и грустно:

– Моя супруга долго болела и скончалась чуть более года тому назад в Петрограде.

– Простите, бога ради, за глупое любопытство, я не хотела причинить вам боль.

В этот момент она подняла увлажнившиеся глаза, в которых явно чувствовалось раскаяние. Стрельцов сделал успокаивающий жест и слегка коснулся ладонью ее пальцев в перчатке – руку она не отдернула. В ответ на искреннее сожаление он примирительно произнес:

– Вы же не знали. Я не таю на вас обиду. Наш брак был успешен, родились и выросли две замечательные дочки. Старшей теперь двадцать один, она вышла замуж и живет в Москве. Младшей – восемнадцать, она учится в Политехническом институте и одновременно работает сестрой милосердия в военном госпитале в Петрограде. – Сделав паузу, он добавил: – Как видите, я прожил довольно значительную часть отведенной мне судьбой жизни. Мне уже почти сорок два.

На губах Кристины снова заиграла улыбка, ухоженные темные брови изящно выгнулись домиком, она с иронией ответила:

– Не кокетничайте, полковник! Я все же понимаю, что вы вышли из возраста лейтенантов, хотя мало смыслу в делах военных. На комплимент от дамы напрашивается?

Стрельцов промолчал. Он лишь внимательно смотрел на стоящую рядом прекрасную женщину. Видимо, взгляд был настолько откровенным, что она смущенно сказала:

– Заговорила я с вами, это не совсем прилично в моем положении. Муж, должно быть, уезжать собрался и высматривает, где меня искать. Надо идти. Вам на прощание скажу, что почти ежедневно в полуденные часы я захожу в тот *koffik*, где мы с вами недавно виделись...

Кристина возвратила недопитый бокал шампанского таким образом, что не поцеловать на прощание ее протянутую руку было просто невозможно. Стрельцов увидел уже знакомый взгляд с полуулыбкой немного пухлых губ, а через минуту он смотрел на спину удалявшейся дамы.

Разведчик в задумчивости остался стоять на месте и медленно прокрутил в памяти весь разговор с женщиной. Опыт подсказывал ему, что и он, и она находятся во власти мощной природной силы, увлекшей их в одном направлении, при этом оба пребывают в заметном волнении. Куда же от этого денешься!

Его мысли прервались музыкой оркестра, который грянул марш «Прощание славянки». Распорядитель пригласил господ офицеров в центр зала на построение для награждения отличившихся. Первым делом под общие возгласы приветствия губернатор объявил, что за успехи Балтийского флота в кампании 1914–1915 годов орденом Святого Владимира II степени награждается Николай Оттович Эссен. Далее сам адмирал вручал ордена и именное оружие командирам кораблей и офицерам, проявившим героизм в боевых действиях в конце прошлого года и начале второго года войны. Орден Святого Владимира III степени с мечами получил капитан 1-го ранга Колчак за успешную минно-заградительную операцию в Данцигской бухте в феврале. Стрельцов искренне радовался за награжденных товарищей, жал руку Александру Васильевичу и согласился распить с офицерами бутылку шампанского.

Вскоре прием в Офицерском собрании закончился.

Через неделю Илья Иванович вновь стоял в кабинете командующего и докладывал Эссену:

– Николай Оттович, из Германии получено очередное сообщение от агента «Учителя». Вы были правы: противник задумал наступать не только на Прибалтийском направлении, но и на других участках Русского фронта. «Учитель» докладывает, что через Берлин на Восток с десятого по четырнадцатое апреля перебрасывались по железной дороге германские армейские корпуса, в числе которых отмечаются Десятый армейский, Резервный, Гвардейский и Сводный. В составе Сводного корпуса с Западного фронта движутся одиннадцатая баварская и сто девятнадцатая пехотная дивизии. А в общей сложности переброшено восемь укомплектованных германских дивизий.

Это – лучшие соединения противника, имевшие успех во Франции и Бельгии. По данным «Учителя», новым объединением назначен командовать генерал Макензен, который прежде командовал Девятой армией в ходе Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций.

Адмирал взял донесение в руки, принялся было читать, но вдруг отодвинул папку с документом и, глядя на своего начальника разведки, задумчиво произнес:

– Говорите, что я прав был в своих предположениях? Да, лучше бы я ошибался! Представляю, какая кровавая сеча завяжется на наших сухопутных фронтах с началом наступления противника. Что ж, война кругом, ничего не поделаешь...

Командующий стал внимательно читать донесение «Учителя», а потом распорядился:

– Ваш агент подробно указал, сколько эшелонов прошло через Берлин и количество боевой техники, находившейся в них. Срочно отправьте эти сведения в Ставку Верховного и в Генеральный Штаб. Там в них сейчас испытывается крайняя нужда.

Стрельцов с беспокойством принялся объяснять:

– Николай Оттович, я прошу вашего разрешения изменить текст доклада в вышестоящие инстанции. Не должно быть указания времени и места обнаружения агентом германского воинского контингента, потому что в случае утечки этих сведений из Петрограда «Учителю» может грозить опасность раскрытия. Мы же не можем утверждать однозначно, что утечки не произойдет. Всякие случаи бывают. Слова «Берлин» и «десятое-четырнадцатое апреля» следует убрать из доклада. Он станет более обтекаемым.

– Согласен, – ответил адмирал и поинтересовался: – Как идет ваша подготовка к отъезду в Швецию на встречу с агентом «Фридрихом»?

Полковник в очередной раз поразился тому, насколько глубоко вникает и как держит в памяти этот удивительный человек все вопросы, которые его касаются в той или иной мере. В ответ он сказал:

– «Фридрих» получил указание ждать меня в Стокгольме через две недели. Я буду готов к тому времени и отправлюсь в Швецию.

СЕКРЕТНО

Разведывательная сводка
штаба Балтийского флота
на 20 апреля 1915 года

Обстановка на Балтийском морском военном театре во второй половине апреля для нашего флота резко ухудшилась, что было связано с началом наступления германской армии из Восточной Пруссии в направлении Либавы. Успехи наших войск на Юго-Западном фронте генерала Иванова в начале 1915 года поставили Австро-Венгрию на грань военной катастрофы. Для облегчения ее положения кайзер отдал приказ организовать наступление в слабо защищенной нашими войсками Курляндии. До начала наступления германским командованием была проведена перегруппировка сил и перенесение центра тяжести военных действий с Западного

на Восточный фронт. Из Франции в первой половине апреля были переброшены лучшие корпуса, часть из которых направлена на северный участок, в Прибалтику, а другая часть – в Галицию, где они вошли в состав ударной армии под командованием генерала Макензена.

В районе Тильзита в Восточной Пруссии в первом эшелоне для наступления сосредоточились три пехотные и три кавалерийские дивизии, переведенные с Западного фронта. Именно они начали наступление в направлении Либавы, Виндавы и Риги на фронтовой полосе от берега Немана до побережья Балтийского моря. По имевшимся планам часть войск предназначалась для высадки с моря в северной части Рижского залива близ Пернова. Два германских крейсера и до десяти миноносцев планировалось использовать для содействия операции с моря.

Силы Балтийского флота, дополненные английскими подводными лодками Е-1 и Е-9, успешно сорвали планы противника по высадке войск в Рижском заливе. Эсминцы германского флота в ответ произвели бомбардирование Либавы и нашей морской батареи на мысе Церель. Броненосные крейсера «Принц Адальберт», «Принц Генрих» и «Роон» совершили рейд к входу в Финский залив, но «Принц Адальберт» получил повреждение корпуса от взрыва донной мины, и весь отряд возвратился в Киль. Его преследовал наш отряд крейсеров («Макаров», «Баян», «Олег», «Богатырь») под флагом контр-адмирала Бахирева. Из-за густого тумана преследование было прекращено.

Одновременно с рейдом немецких крейсеров в районе острова Эланд в Центральной Балтике выявлена деятельность двух германских подводных лодок: U-33 и U-38. Успешный поиск подводных лодок противника, шедших под перископом, произвела группа гидросамолетов Балтийского флота.

Повышенная активность германского флота объясняется необходимостью удержать наши корабли в зоне Финского залива, не позволить его выступления в открытую часть Балтики.

Количество баз нашего флота с переходом Курляндии под контроль противника значительно сокращается, что самым отрицательным образом повлияет на возможность надводных сил флота вести боевые действия в Центральной Балтике.

Для подводных сил серьезной потерей становится уход из базы в Либаве, где, кроме наших лодок, базировались британские субмарины Е-1 и Е-9. Теперь они передислоцировались в Ревель, что сократило их боевые возможности по поиску и уничтожению кораблей противника.

Периодические действенные мероприятия сил нашего флота тем не менее мало влияют на общую обстановку на Балтийском морском военном театре. Начавшееся наступление сухопутных войск противника в Курляндии, вероятная потеря нами Либавы, где по приказу командующего Балтфлотом 17 апреля были взорваны крепостные батареи и мосты через канал, а также угроза Виндаве в связи с отходом русской 12-й армии к Риге позволяют сделать следующий вывод.

В ближайшее время операции германского флота должны будут принять более решительный характер. Становится ясен и объект этих операций – Рижский залив, получающий теперь исключительное значение как фланговый район Северо-Западного фронта.

*Начальник разведывательного отделения
Балтийского флота
полковник Генерального Штаба Стрельцов.*

Командировка в Швецию (май 1915)

Илья Иванович сидел в кабинете и разбирал присланную из Петрограда служебную почту. Слева на поверхности стола росла стопка корреспонденции, которую посмотрят его офицеры, справа лежали документы для срочного прочтения. Он взял в руки очередной пакет, и серьезное, точнее – суровое выражение лица в момент изменила добрая улыбка. Из большого пакета, склеенного из грубой серой бумаги, помеченного угловым штампом «Генеральный Штаб», выскользнул иностранный конверт с цветным рисунком. Стрельцов с той же улыбкой стал разглядывать конверт и увидел знакомую адресацию: «Санкт-Петербург, Генеральный Штаб, Его превосходительству господину Стрельцову Илье Ивановичу лично в руки». Обратный адрес он тоже прекрасно знал: «Стокгольм, посольство Российской империи в Королевстве Швеция. От госпожи Голубевой Альбины Юрьевны. Дипломатическая почта».

Да, рыжеволосая красавица Альбина, как обычно, не подвела его, недаром он ей доверял и относился с большой теплотой. Илья Иванович не мог объяснить, как назвать их отношения: между ними, мужчиной и женщиной, не было и не могло быть никаких вольностей, ведь Альбина, можно сказать, на целый век моложе, и всего на два-три года старше его дочерей. Не сказать, чтобы они поддерживали некую дружбу: слишком редко доводилось встречаться или обмениваться письмами. Но всякий раз, когда Стрельцов писал ей или получал ее письма, он сознавал, насколько ему приятно расположение доброй знакомой. А их встречи в Стокгольме или Петербурге, которые можно было пересчитать по пальцам, оставляли понимание того, что и Альбина дорожит столь необычными отношениями. Скорее всего, считал полковник, она, истинный романтик, просто проявляла интерес, когда доводилось касаться дел с множеством тайн.

Они познакомились три года назад во время командировки Стрельцова по делам разведки в Швецию. Пришла нужда обратиться в посольство за помощью, и в качестве представителя русской дипломатической службы ему назначили именно Голубеву. Разведчик сразу понял, что он вытащил счастливый жребий. Внешне Альбина выглядела как натуральная скандинавская девушка: надень ей на голову белый чепец и дай в руки молочник – ни один швед или финн не скажет, что перед ним сотрудница русского посольства. К сему следовало добавить отличное знание шведского языка на уровне местных жителей и большое умение ориентироваться в запутанных городских кварталах старых шведских городов. Илья Иванович не злоупотреблял расположением чистой души и не привлекал женщину к агентурным операциям. Но не раз просил ее узнать какие-то городские и сельские новости или побывать в каком-то месте.

И в пришедшем в Ревель письме Альбина как всегда добросовестно отвечала на вопросы, заранее поставленные Стрельцовым. Выглядело это так:

«Милостивый государь Илья Иванович!

Рада случаю вновь обратиться к Вам и рассказать о тех местах прелестного Града Стокгольмского, где мне удастся побывать в свободное от службы время. Я теперь научилась обращаться с фотокамерой, и моя „Ехакта“ не знает покоя. Некоторые особенно удачные фотографии я высылаю Вам как ценителю скандинавской городской архитектуры.

Вот столичные кафе и рестораны:

Engelen Kornhamnstorg 59 Stockholm, Sverige

Cinnamon Bakery & Coffeeshop Verkstadsgatan 9 Stockholm, Sverige

А далее хочу перечислить местные гостиницы:

Strandvägen 7c Hotel Diplomat Stockholm, Sverige

Надеюсь, Вам придется по вкусу мои новые художества. Напишите, а лучше приезжайте. У нас здесь тихо, не так, как нынче в полыхающей Европе.

С наилучшими пожеланиями здоровья и успехов Вам, мой ДРУГ,

Альбина Голубева.

Апреля 20 дня сего 1915 года. Стокгольм».

Мысленно поблагодарив мадемуазель Голубеву, разведчик аккуратно разложил полученные фотокарточки на карте Стокгольма и стал выбирать маршруты подхода к месту встречи с агентом «Фридрихом» и пути ухода со встречи. В качестве основного места они между собой определили небольшое кафе «Engelen», которое имело два входа для посетителей. По выбору запасного места имелись варианты, но это уже относилось к нюансам агентурной работы.

Шел первый день мая, подоспела пора собираться в дорогу. Адмирал Эссен сильно недоумогал, лежал под наблюдением врачей, поэтому просить его аудиенции Стрельцов не стал. Непенин, не ведавший покоя, разрывавшийся между Гельсингфорсом, Петроградом и Ревелем, к счастью, оказался в штабе на борту «Рюрика». К нему и направился полковник для доклада и получения разрешения на отъезд в заграничную командировку. Адриан Иванович временно занял каюту начальника штаба флота, который в это самое время на крейсере «Богатырь» контролировал в составе отряда кораблей постановку новых минных заграждений на подходах к Либаве.

Контр-адмирал возле морских карт Центральной Балтики, расстеленных на столе, о чем-то возбужденно спорил с начальником оперативной части штаба, капитаном 1-го ранга Черкасским, когда Стрельцов попросил разрешения войти. В каюте наступила тишина, Непенин с Черкасским прервали разговор, а начальник разведки ждал команды начать доклад. Адриан Иванович эмоционально махнул рукой и скороговоркой сказал:

– Ладно, Михал Борисыч, вы еще раз взвесьте свои предложения, подумайте как следует, а мы здесь пока дела разведочные обсудим с Ильей Ивановичем.

Князь насупленно поздоровался со Стрельцовым, собрал карты и молча вышел.

– Вот упрямец! Дело ведь говорит, лишь в деталях мы с ним расходимся, но не желает ни в чем поступиться, упершись в свой план... Ну, Илья Иванович, вы-то с чем пришли? – спросил Непенин, в сердцах ломая спички, закуривая.

– Адриан Иванович, две недели назад командующий утвердил план моей встречи с ценным агентом в Швеции. Пора уже в дорогу отправляться, но Николай Оттович болен, поэтому я к вам с докладом об убытии в командировку.

– Да-да, знаю. Николай Оттович меня предупреждал о ваших планах. К великому нашему сожалению, он сейчас крайне плох. Я боюсь даже думать о возможном исходе. Осталось надеяться на Божью помощь. Касаемо вашей командировки, я отдал распоряжение командиру дивизиона эсминцев особого назначения о выделении корабля для специальной операции. Он предложил назначить «Охотника», который как раз в Ревеле стоит. Но я подумал и вызвал «Всадника», он в сравнении с «Охотником» имеет усиленное артиллерийское вооружение, которое в случае чего поможет отбиться от неприятеля, и меньшие размеры корпуса, что при хождении в Або-Аландских шхерах будет важным приоритетом. Корабль воюет постоянно, только что прибыл из похода, выставлял минные заграждения на коммуникациях немцев, командир и экипаж опытные. «Всадник» доставит вас в Мариенхамину, а потом останется на патрулировании в Аландском море, чтобы принять вас на борт после окончания операции. Командир – старший лейтенант Чириков Сергей Александрович – получил пакет с секретным заданием, вскрыет его после вашего прибытия на борт и поступит в ваше распоряжение. Так что действуйте, с Богом!

– Благодарю вас, Адриан Иванович. Сегодня я побываю на эсминце, познакомлюсь с командиром и кораблем, а выйдем мы завтра во второй половине дня. Ходу от Ревеля до

Аландских островов около семи часов. Светает сейчас рано, а у причала в Мариенхамине надо ошвартоваться в темноте. Следовательно, в семнадцать часов я буду на корабле, в море выйдем в девятнадцать. В три часа ночи ошвартуемся в порту. По темному времени перейду на финский пароход «Андромеда», а дальше рассчитываю быть в Швеции по расписанию.

– Все верно, Илья Иванович. Осталось пожелать вам успеха в непростом предприятии. Ну, обнимемся, что ли, перед дальней дорогой?

Прощание показалось Стрельцову трогательным. Он нарочито сдержанно поднял ладонь к козырьку, развернулся по-строевому и вышел из каюты.

Весь следующий день пролетел в одно мгновение. Непривычным для Ильи Ивановича казался предстоящий путь в Стокгольм, и он волновался. Чувствовал свое волнение, когда поднялся на борт корабля, когда в его присутствии командир вскрыл секретный пакет с заданием на предстоящий переход, и потом, когда Чириков предоставил ему отдельную каюту для отдыха. Волнение неожиданно прошло после запуска корабельного двигателя, ровный рокот машины подействовал успокаивающе. Полковник сидел на узкой койке в пространстве, больше похожем на платяной шкаф, чем на жилое помещение. Тем не менее возле койки уместился вошедший старший лейтенант, который доложил о выходе в море и о том, что по пути их ожидает неплохая погода со слабым ветром и частыми дождевыми зарядами.

Опытный моряк Чириков, впервые получивший задание переправить настоящего разведчика в чужую страну, считал себя в какой-то мере именинником и относился к предстоящему делу, пожалуй, с большей серьезностью, чем в момент подготовки к бою с неприятелем. Как и многие военные, привыкшие в жизни действовать открыто, Сергей Александрович испытывал пиетет к деятельности тех, кто причастен к секретной войне. Стрельцов видел это и из собственного опыта знал, что обеспечение его задания находится в надежных руках, а остальное будет зависеть от него. За себя он был совершенно спокоен.

Легкая вибрация корабля и плавное покачивание на волнах убаюкали Илью Ивановича, он с удовольствием дремал сидя, а когда проснулся – увидел, что за иллюминатором сгустилась темень балтийской ночи. Решив немного размять ноги, он пошел на открытую палубу. Эсминец был не слишком подходящим местом для любителей палубных прогулок: от надстройки до леера достаточно сделать всего полтора шага. А дальше плескалось море. Корабль плавно поднимался над волной, но через пару минут эту волну, казалось, легко было зачерпнуть ладонью, перегнувшись через леерное ограждение. Стрельцов прижался спиной к холодной броне надстройки, нашел удобное положение и остался на палубе.

Никого из экипажа в эту минуту не было видно, все находились внутри. Полковнику казалось, что он остался один на один с Балтийским морем, которое в полной темноте спокойно играло своими волнами. Времена менялись, век сменялся веком, а Балтика всегда оставалась Балтикой. Вокруг эсминца сомкнулась сплошная тьма, в радиусе нескольких миль не просматривалось ни единого огонька. Шла война. Если и были где-то другие корабли, то они, подобно «Всаднику», тихо крались со своими заданиями. Хотелось верить, что крадутся вблизи в этот час только наши корабли, а противник – где-то далеко.

Илье Ивановичу на память пришли романтические события конца прошедшего месяца. Так получилось, что он дважды виделся с Кристиной, потому что заглядывал в знакомый *koffik* в назначенный ею час. В первый раз ему удалось освободиться от дел служебных ненадолго, и они полчаса сидели за кофе и разговаривали. Точнее, говорила только Кристина, а он с интересом ее слушал. Из рассказа выяснилось, что выросла она в польской дворянской семье в Ковно, в восемнадцать лет родители выдали ее замуж. Теперь ей уже тридцать, а муж на десять лет старше. Феликса Тамма ее отец знал давно, у них были какие-то общие дела. Но отец умер, а с матерью у Кристины никогда не было близких отношений. Детей им с мужем Господь не дал, у Феликса всегда много дел, а она привыкла жить, скучая в одиночестве.

Во второй раз Стрельцов предложил немного прогуляться по улочкам древнего города. Пройдя Ратушную площадь, пара как-то неожиданно быстро оказалась возле дома, где жил полковник. Он показал вход в свою квартиру и полушутя-полусерьез предложил зайти в гости. В ответ Кристина, лукаво улыбаясь, вновь выгнув брови домиком, погрозила спутнику пальцем и заявила, что она – женщина строгих правил. Потом они где-то сидели и пили кофе с ликером, что-то говорили и смеялись. Расставаясь, Стрельцов сказал, что скоро уйдет в морской поход и не ведает, когда сможет вернуться. Кристина, решительно тряхнув выпущенными из высокой прически завитками волос, торжественно произнесла, что будет ждать возвращения полковника, оказавшегося истинным рыцарем. Протянутую для поцелуя на прощание руку Стрельцов повернул ладонью вверх и поцеловал в запястье, источавшее аромат французских духов. Женщина, не отводя изумрудных глаз и не проронив ни слова, серьезно смотрела на решительного офицера.

Улыбнувшись приятному воспоминанию, Илья Иванович вернулся в каюту и вновь задремал, сидя на чужой койке. Он мгновенно открыл глаза, когда дверь в каюту тихо отворилась и заглянул Чириков.

– А что же вы не ложились? Вестовой специально чистым застелил, чтобы вы поспали, – удивился офицер.

– Ничего, я хорошо отдохнул у вас. «Если хочешь спать в уюте, спи всегда в чужой каюте!» – есть ведь такое флотское правило? Вот я и поспал в уюте. Хотя здесь тесновато, чувствуется, что идем на эсминце, а не на крейсере.

– Зато летим, как птицы, Илья Иванович! Через час подойдем и будем швартоваться в финском порту. Как встанем, я распорядюсь, чтобы весь экипаж собрался во внутренних помещениях и не зыркал, когда вы сойдете на берег. Вы ведь в штатском пойдете? В таком случае пора переодеться. Форму можно на вешалке оставить – она вас подождет.

– Благодарю вас, Сергей Александрович. Я соберусь и буду ждать команды сойти на берег.

Через полчаса Стрельцов стоял в костюме и шляпе, купленных в Стокгольме, в дорожном плаще и раскладывал в саквояже документы на имя подданного шведского короля и немудреный скарб на несколько дней. Все лишнее, ненужное в этой непростой командировке, осталось в Ревеле. Корабль сбавил ход, на палубе происходило какое-то движение. Вскоре эсминец замер, его корпус перестал качаться на морских волнах. «Стало быть, прибыли», – предположил полковник. Действительно, через пять минут в каюте вновь появился командир корабля и почти шепотом в наступившей тишине доложил, что можно сойти на причал. Они вышли в коридор и быстро дошли до узких сходней, перекинутых с борта на портовый бетон.

– Там впереди пассажирский порт Мариенхамны, «Андромеда» готовится в рейс. Мы будем охранять ваш переход, а потом пойдём на патрулирование Аландского моря и шхерного участка. По телеграмме из Ревеля вновь придем сюда и дождемся вашего возвращения. Доброго пути вам, Илья Иванович!

Офицеры пожали руки и расстались. Стрельцов скорее почувствовал, чем заметил, как старший лейтенант украдкой перекрестил его на прощание. «Суеверные люди, эти моряки», – подумал разведчик, пожал плечами и пошел разыскивать пассажирский пароход.

Дальнейшая дорога до столицы Швеции оказалась малопримечательной. «Андромеда», пыхтя машиной, утром ушла из порта приписки, а вечером встала к причалу в шведском городке Норртелье. На борт поднялся ленивый и тучный таможенник, который обошел всех пассажиров и получил с них официальную пошлину за пересечение границы и личную мзду за то, что позволил это сделать. Илья Иванович прикрывался документами шведского техника-землемера, который работал на островах по контракту и измерял участки земли для новых владельцев. Работа считалась нужной как в Финляндии, так и в Швеции, власти ей не

препятствовали. Поэтому разведчик уверенно предъявлял, где требовалось, паспорт и предписание на производство работ.

Из Норртелье до Стокгольма он добрался за пару часов на большом черном автомобиле с брезентовой крышей, в котором за спиной шофера помещались восемь пассажиров. Все попутчики изрядно натряслись и пропылились в дороге, поэтому с удовольствием попрыгали из тесного транспорта на брусчатку привокзальной площади, где был конец маршрута. Поздним вечером Стрельцов наконец устроился на ночлег в большом и шумном отеле, где все постояльцы быстро растворялись среди множества приезжих, и наслаждением упал на кровать в своем номере. Именно такие неброские места он предпочитал в иностранных городах, чтобы не быть на виду и спокойно заниматься собственным делом. До встречи с «Фридрихом» оставалось двое суток.

Следующий день Илья Иванович провел на ногах, лично проверяя место встречи и подходы к нему, место, где можно спокойно поговорить с агентом, и место, удобное для передачи друг другу документов и денег. Он, словно гончая перед охотой, пребывал в легком возбуждении и не ощущал усталости. Лишь поздним вечером, вновь падая на гостиничную кровать, успел подумать: «Черт, ноги по колени стоптал за день!» – и тут же заснул.

С утра Стрельцов вновь прошел по намеченному маршруту. На площади ему показалось, что в его сторону пристально смотрит полицейский. Разведчик изменил маршрут и проверил на соседней улице, нет ли за ним слежки. Не обнаружив никого, он вновь вернулся на площадь и с великой осторожностью стал наблюдать за подозрительным полицейским. Но тот, лениво позевывая, болтал с торговкой-цветочницей. Значит, тревога ложная.

Подшло время встречи. За несколько минут до назначенного часа полковник приблизился к кафе и вновь проверил, нет ли за ним слежки. Потом посмотрел, как в кафе вошел «Фридрих», и со всем вниманием просеял каждого, кто шел или стоял на улице в эти минуты. Не выявив ничего подозрительного, он последовал за агентом. Десятилетие работы в разведке и опыт зарубежных агентурных мероприятий позволили ему выработать непередаваемое ощущение спокойствия или беспокойства при наступлении ответственного момента. Сегодня у Стрельцова на душе было спокойно.

«Фридрих», аккуратно и неброско одетый мужчина среднего возраста,пил кофе и курил трубку. Возле края его столика лежали две-три газеты, которые Стрельцов «случайно» задел, когда шел мимо, и уронил на пол. Извинившись, он наклонился, собрал газеты, незаметно положил сверху свою и вручил стопку агенту. В его газете карандашом было написано название района, улицы и места, где они могли бы спокойно поговорить. Такой нехитрый трюк разведчики обговорили заранее. Получилось удачно. В зале были свободные столики, Илья Иванович сел, выпил кофе и пошел из зала. Пятью минутами после него через другую дверь кафе покинул «Фридрих».

Они вновь встретились на улице в припортовом районе, где находилось несколько автомастерских. Машины на продажу стояли у открытых ворот и собирали вокруг интересующихся людей, которые, как правило, обменивались репликами. Незнакомые прежде люди быстро находили общий язык и обсуждали достоинства и недостатки стоявшей техники. Механики, которые трудились в мастерских, не лезли в чужие разговоры и деловито крутили гайки внутри ангаров. Среди собравшихся у машин людей двое были русским военным разведчиком и его агентом из Германии, говорившими между собой по-шведски. К ним не подходил никто из посторонних. Они располагали достаточным временем, чтобы изложить нужную информацию, не привлекая внимания. Оба были собраны, дисциплинированы и прекрасно подготовлены к своей тайной работе.

«Фридрих», для порядка тыча пальцем в двигатель подержанного авто фирмы «Даймлер-моторен», быстро рассказывал о вербовке нового помощника, вернее, помощницы в Киле, о задачах, поставленных смелой женщине, и о том, как она начала их решать. Детали он изложил письменно, замаскировал документ в рекламной брошюре, которую вложил в конверт.

Туда же поместил и фото пленку, спрятанную в сигарный футляр. Пленка отснята на тех заводах в Германии, где ремонтируют поврежденные в боях корабли.

Стрельцов выяснил все, о чем хотел расспросить, и в свою очередь довел до агента целый ряд вопросов. Больше всего его интересовала безопасность «Фридриха» и его помощницы. Он велел уничтожить все письма и документы, которые хоть как-то намекают на их связь.

Поговорив минут десять, собеседники обходили вокруг «Даймлера», чтобы убедиться в отсутствии посторонних лиц рядом. Потом вновь продолжали беседу. Последним вопросом они определили место, где удобно обменяться документами так, чтобы никто не заметил. Они вместе дошли до остановки трамвая, вновь проверив, нет ли за ними слежки, вошли в вагон и поехали в центр города. «Фридрих» незаметно передал пакет с бумагами и фото пленкой руководителю и тут же получил от него пакет с деньгами. Стрельцов, обходя других пассажиров, направился на заднюю площадку вагона и сошел на ближайшей остановке. Агент поехал дальше. Встреча успешно завершилась.

С ценным грузом, запечатанным в пакет, полковник отправился повидаться с Альбиной Голубевой. Договорились встретиться они днем ранее, когда Илья Иванович по телефону из города звонил в русское посольство. Теперь он шел по набережной Мункбруleden к памятнику королю Карлу XIV Юхану и улыбался. Встреча именно у этого монумента назначена неслучайно. Шведского короля, занявшего престол в Стокгольме сто лет тому назад, звали от рождения Жан Батист Жюль Бернадот, и вошел он в историю прежде всего как один из талантливых военачальников французского императора Наполеона Бонапарта. Судьба благоволила маршалу Бернадоту, он получил шведскую корону и стал основателем правящей скандинавской династии, вместо того чтобы, подобно своим бывшим соратникам, быть расстрелянным или раствориться в небытии после крушения французской империи.

Альбина серьезно увлекалась наполеонистикой, мода на которую пришла в Россию из Европы в связи со столетием войны 1812 года. Она настолько хорошо знала все сражения Великой Армии и их участников, что вполне могла без смущения опровергнуть точку зрения Стрельцова, изучавшего оперативное искусство эпохи наполеоновских войн в Академии Генерального Штаба:

– Что вы, Илья Иванович, корпус Мортье не участвовал в деле под Ульмом против австрийцев, он был разбит русскими в битве у Дюрэнштейна!

Илье Ивановичу приходилось лишь разводиться руками и обещать проверить по справочникам: наполеонистика казалась интересной темой, но не была его коньком.

Сегодня в прекрасном настроении он подходил к конной статуе Бернадота, короля-маршала, который, кстати, являлся участником Ульмского сражения, и рассчитывал вновь поговорить с начитанной дамой о боях столетней давности. Фигура молодой женщины уже виднелась возле памятника на ступенях, спускающихся к набережной.

По лицу Альбины Стрельцов понял, что она чем-то расстроена. Поэтому, поздоровавшись, он спросил, что случилось.

– Случилась, Илья Иванович, большая беда, увы! В посольстве получено сообщение о том, что ночью скончался командующий Балтийским флотом адмирал Эссен.

Полковник замолчал, он-то в полной мере предвидел последствия по-настоящему тяжелой утраты не только для флота, но и для всей России. В задумчивости он произнес:

– Надо бы мне срочно быть в Ревеле, да не получится – оказии два дня ждать придется.

– Тело адмирала сегодня на корабле перевезут в Петроград для организации похорон.

– Да, Николай Оттович, вечная вам память! Пусть земля будет пухом! Не удалось нам еще раз свидеться.

– Простите, Илья Иванович, я сразу ошеломила вас печальной новостью, а ведь вы говорили о некоем деле ко мне.

– Действительно, Альбина, дело есть, и дело чрезвычайно серьезное. У меня в кармане лежит важный пакет. Я его переложу в вашу сумочку по возможности скрытно, когда мы будем поблизости от посольства. Очень вас попрошу незамедлительно переправить пакет, как всегда, дипломатической почтой в Петроград, в Генеральный Штаб на мое имя. И депешей сообщите, что послезавтра я возвращаюсь в Россию. А пока, если не возражаете, сядем где-нибудь недалеко, выпьем кофе.

Они зашли в ближайшее заведение и за чашкой кофе поговорили о том, какие события происходят в Швеции, об усилении германских позиций в нейтральном государстве, о препятствиях, которые теперь нередко местные власти чинят русским дипломатам. Обстановка в Скандинавии явно ухудшалась. Стрельцову такая информация была крайне необходимой, ведь его разведывательная работа строилась через Швецию. Поговорив минут сорок, они направились в сторону русского посольства. Разведчик регулярно проверял, не ведется ли за ними наблюдение. Все было спокойно в этот раз, поэтому он одним незаметным движением перебрал пакет в открытую дамскую сумку, когда Альбина сказала, что уходит в посольство.

Илья Иванович пожелал ей успехов и проследил за тем, чтобы женщина беспрепятственно вернулась к себе на работу. Дальше он оказался предоставлен себе на два пустых дня, потому что приходилось ждать очередного рейса парохода «Андромеда» из Норртелье в Мариенхамину. Полковник, чтобы скоротать время, занялся любимым делом: изучением городской архитектуры одной из наиболее интересных столиц Европы и, дождавшись часа, отправился в Норртелье...

Его пароходик деловито переползал с волны на волну в Аландском море. Стрельцов дышал на палубе морским воздухом и любовался видом приближающихся скалистых островов. Его просто притягивала картина того, как из пены морских волн вздымаются крутолобые гранитные глыбы. Они плавно росли из воды и стремились вверх, где на их выгоревшие лбы шапкой ложилась зеленая трава. В траве, словно лапы диковинных зверей, виднелись корневища прибрежного кустарника. А за кустарником начинался настоящий еловый лес. Илья Иванович думал, что очутись он среди этого леса – даже представить не сможет, что вокруг маленького пятючка гранитного острова, на котором, словно в глухой тайге, величаво растут гигантские ели, плещутся волны открытого моря. Вид финских островов завораживал.

В назначенное время «Андромеда» ошвартовалась в Мариенхамине, где под покровом темноты Стрельцов перешел на борт ожидавшего его эсминца «Всадник». Старший лейтенант Чириков скомандовал отход, и корабль полным ходом направился в Ревель. Сергей Александрович уже получил сообщение о смерти Эссена и сообщил, что временно флотом командует начальник штаба вице-адмирал Кербер. Но Людвиг Бернгардовича государь вряд ли назначит командующим, поскольку более благоволит начальнику минной обороны флота вице-адмиралу Канину. Илья Иванович поблагодарил офицера за сообщение и пошел в его каюту готовить доклад: кто бы ни стал новым командующим, выслушать доклад начальника разведывательного отделения штаба флота о выполнении задания в заграничной командировке он обязан.

За работой время в пути пробежало незаметно. Стрельцов даже забыл, что не спал всю ночь. Впрочем, теплый майский воздух, напоенный весенними ароматами, не располагал ко сну. В Ревельском порту, куда «Всадник» влетел «галопом», полковник через дежурного по штабу вызвал на причал служебный автомобиль. «Паккард», деловито рыча мотором, отвез начальника разведки домой. Шофер дорогой рассказал, что на флоте грядут большие перемены, а у них в отделении все остается по-прежнему. Только уж очень Иван Иванович Ренгартен ждал возвращения его превосходительства из долгой поездки. Стрельцов кивнул и распорядился, чтобы шофер ждал его, а сам отправился, поспешая, мыться с дороги, бриться и одеваться во все свежее.

Прибыв на «Рюрик», Илья Иванович по привычке прошел к салону командующего, где он всегда докладывал адмиралу. Дверь в салон была, как обычно, открыта. Но в салоне прежде

по обыкновению горел электрический свет, даже в тех случаях, когда Эссена не было на борту крейсера. На сей раз рабочий кабинет Николая Оттовича был темен и отталкивал своей неожиданной пустотой. Сердце офицера сжалось от нахлынувшей вдруг тоски. Он застыл в коридоре возле старинных картин и молча простоял несколько минут. Потом, тяжело вздохнув, отправился разыскивать представителей командования.

Никого из адмиралов на борту «Рюрика» не оказалось. За старшего распоряжался капитан 1-го ранга Черкасский. Стрельцов вошел в каюту к князю, и они тепло поздоровались.

– Где так долго пропадали, Илья Иванович, дорогой? Целую вечность вас не видел, – экспрессивно, по-кавказски, спросил Черкасский, но тут же забыл свой вопрос и начал быстро рассказывать о главном событии прошедших двух недель: – Конечно, каждый из нас знал, что Николаю Оттовичу трудно будет выкарабкаться из лап болезни. Но его скорая кончина буквально потрясла весь штаб. Да что там штаб, флот окаменел от горя! Я два дня ходил в слезах, Непенин в каюте рыдал в голос. А уж когда тело адмирала в гробу перенесли на *Ego*, – князь поднял ладонь с разведенными пальцами, – любимый эсминец «Пограничник», матерью клянусь, никого не осталось, у кого бы глаза не на мокром месте были. Так-то, Илья Иванович, дорогой! А ведь мы, офицеры, столько смертей видели, сейчас воюем, японскую многие прошли, тонули... Нет, осиротели мы попросту без Николая Оттовича. Тяжело говорить, простите!

Князь достал папиросу из портсигара и закурил. Молчал и Стрельцов, явственно представляя, что происходило в Ревеле в дни прощания с любимым командующим. Так в молчании они сидели до тех пор, пока в каюту не вошел, испросив «добро», дежурный офицер штаба. Он положил на стол журнал телефонограмм и сообщил:

– Михаил Борисович, завтра в Гельсинки надо отправляться. Вот распоряжение: офицерам штаба собраться в Гельсингфорсе для представления новому командующему Балтийским флотом. Подписал вице-адмирал Кербер. В пять утра эсминец «Охотник» будет стоять у причала под парами. Прошу вас расписаться в телефонограмме и дать указание оставшимся офицерам. Командование уже на месте.

Черкасский развел руками, когда дежурный офицер вышел, и доверительно наклонился к Стрельцову:

– Начинается. Поверьте, Илья Иванович, государь назначит командующим Канина. Во-первых, он по производству старше всех в звании. На самом вершине это обычно учитывается. Во-вторых, Василий Александрович на Балтике сам корабли в бой водил, знает здесь все шхеры и подводные камни в прямом и переносном смысле. Может, он и не так сильно в оперативном плане подготовлен, как «академик» Кербер, но кто ж Керберу флот доверит? Он же штабным, а не боевым адмиралом считается... Да-с. А Канин, помяните мое слово, будет выводить Колчака в командиры Минной дивизии и затем в адмиралы.

Илья Иванович ничем не мог возразить опытному штабисту князю Черкасскому, поэтому сидел и кивал, пока Михаил Борисович по привычке осведомленных в кадровой «кухне» офицеров выстраивал свои долгосрочные прогнозы. К чести Черкасского, его прогнозы казались весьма обоснованными и несогласия не вызывали. Однако при первой наступившей в беседе паузе Стрельцов поднялся со стула и сказал:

– Пойду я к себе, Михаил Борисович. Надо подготовиться к раннему переходу в Гельсингфорс. До встречи на «Охотнике»!

С крейсера он сразу поехал в свой «скворечник», где, перебирая накопившиеся отчеты с постов радиоперехвата, написал обстоятельный доклад по обстановке на Балтике в зоне ответственности флота. Потом направился в отель, подготовил парадную форму для представления новому начальству и успел часок вздремнуть до прибытия машины. На пирсе к часу отхода эсминца полковник появился, когда сходни уже скрипели под ногами поднимающихся офицеров.

На «Охотнике» собралось человек двадцать «пассажиров», отправлявшихся из Ревеля. Илья Иванович устроился на юте, где вдоль бортов были аккуратно уложены в рядки мины с якорями. Двери люцпортов, через которые рога́тая смерть при постановках летела в воду, были закрыты, и самое грозное морское оружие войны выглядело вполне миролюбиво. Остальные «каперанги» разошлись по освобожденным для них каютам и кубрикам или курили на открытом мостике. Командир эсминца лейтенант Вилькен, надвинув фуражку на лоб, распоряжался на мостике властью, данной ему Морским уставом, не обращая внимания на старшинство гостей, собравшихся на боевом корабле, будто на прогулочном катере. На его насупленном лице было написано, что он мечтает поскорее доставить беспокойное общество к месту назначения и освободиться от почетной миссии. «Охотник» неся, словно взмыленная лошадь, рассекая форштевнем пенную волну, которая перекатывалась через палубу. Четыре часа пути завершились в Гельсингфорсе, где на рейде один за другим выстроились грозные балтийские линкоры.

Намеченное на десять утра представление нового командующего началось минута в минуту. В просторном вестибюле здания, занятом штабом, яблоку негде было упасть. Командиры кораблей, офицеры штаба, высокопоставленные гости из Петрограда, представители Главного Морского и Генерального штабов, командования Сухопутных войск. Все старались разместиться вдоль стен. В центре зала стояли адмиралы-балтийцы и Морской министр России, генерал-адъютант, адмирал Иван Константинович Григорович. Министр начал свою речь с выражения соболезнования собравшимся в зале по случаю безвременной кончины адмирала Эссена. После соболезнования Григорович зачитал императорский рескрипт о назначении командующим Балтийским флотом вице-адмирала Канина. При этих словах Василий Александрович сделал несколько шагов вперед и занял место рядом с Григоровичем. Министр поздравил вице-адмирала. Командование флотом перешло в его руки.

Официальная церемония завершилась, Канин удалился в свой кабинет, куда для беседы по одному или по двое вызывали адмиралов и офицеров штаба. К Стрельцову подошел контр-адмирал Непенин, который полусшепотом предложил отойти в сторону и переговорить. Оставшись наедине, Адриан Иванович поздоровался и провел инструктаж:

– Вижу, что вы в добром здравии, значит, командировка завершилась успешно. Хорошо, потом поговорим подробно. Сейчас я иду в кабинет командующего, буду докладывать за весь назначенный мне участок. Вас тоже скоро вызовут, когда я буду там. Илья Иванович, вам следует доложить только о разведывательной обстановке на Балтийском театре. О своей командировке в Стокгольм можете упомянуть вскользь, мол, уезжал и приехал, поставленные задачи решил. Все! Канин – не Эссен. У него детали вашей работы интереса не вызовут. Будете на них заострять внимание – накличете раздражение в свой адрес. Задачи разведке Василий Александрович обозначит. Не думаю, что они будут сильно отличаться от прежних. Хотя больше чем уверен: Канин резко ограничит зону вашей ответственности, потому как он далеко вперед не заглядывает. Его интересует только то, с чем корабли столкнутся завтра при выходе в море из базы. Полагаю, что у вас подготовлен доклад. Так вот его следует откорректировать с учетом моих замечаний. Дерзайте, господин полковник!

Непенин кивнул и исчез из поля зрения, а Стрельцов «на коленке» стал править текст доклада командующему. Он слышал, что на аудиенцию пригласили начальника оперативной части штаба Черкасского. Про себя Стрельцов отметил, что Эссен обычно первым для доклада вызывал его, а затем остальных должностных лиц штаба. «Что же, выходит, приоритеты сменились. Учтем!» – подумал начальник разведки. В этот момент к нему подошел дежурный офицер и сообщил, что его очередь – после начопера.

Князь Черкасский с полной папкой бумаг и рулонами карт вышел из кабинета и показал кивком головы на дверь: «Вас ждут».

Илья Иванович вошел и увидел Канина, сидевшего в центре, а слева и справа от него расположились адмиралы: начальник штаба Кербер, начальник связи Непенин, командир Гельсингфорсской военно-морской базы и бригады линейных кораблей Ферзин.

Невысокого роста Канин сидел так, что его парадный мундир оттопырился на животе и ордена сами собой выдвинулись на «передний край». Перед глазами Стрельцова засверкали ордена Святого Владимира II и III степеней, Святого Станислава III степени с мечами и несколько иностранных наград. «Кавалерия» Стрельцова выглядела скромнее: из русских – «Станислав», «Анна» III степени и медали, из иностранных – большая золотая звезда китайского ордена. На этот счет у него имелась дежурная отговорка: «В разведке не награждают – в разведке не наказывают!» Подойдя к столу, он официально представился:

– Начальник разведывательного отделения флота Генерального Штаба полковник Стрельцов, разрешите доложить?

Командующий взял со стола две-три бумаги, мельком просмотрел их, а потом кивнул и тихо произнес:

– Докладывайте!

По напряженному выражению лица Канина, по колючему взгляду из-под стекол пенсне Илья Иванович понял, что ничего хорошего в свой адрес он сегодня не услышит. Тем не менее он предельно сжато, но по существу изложил на словах то, что с ночи подготовил для сообщения новому командующему.

Присутствовавшие в полной тишине выслушали доклад полковника, а когда он закончил, Канин сказал:

– Я считаю, что вы как начальник разведки уделяете излишнее внимание работе с агентурой, действующей на собственной территории Германии, в ущерб работе по сбору сведений о действиях германских кораблей и армии непосредственно в операционной зоне Балтийского флота. Германия с каждым днем становится от нас все дальше и дальше в силу удручающего положения, сложившегося на наших фронтах с весны текущего года. Опираясь только на работу ваших агентурных источников там, вы упускаете из виду обстановку здесь, у нас под носом! Грош цена такой разведке!

Последние слова вице-адмирал произнес весьма раздраженно. Но Стрельцов молчал. Он не стал оправдываться перед командующим, слова которого были несправедливы. Агентурные донесения, полученные от источников из Германии, действовавших в соответствии с задачами, поставленными адмиралом Эссеном, заслужили высокую оценку высшего морского и сухопутного командования и представляли собой теперь документы постоянного хранения. На них легко можно было сослаться, подтверждая собственную правоту. Проще всего в его положении было думать, что Канин из чувства ревности к успехам предшественника пытается белое выдать за черное. Но опытный разведчик понимал, что гнев Василия Александровича имеет некую иную причину. Надо дать ему выговориться – и причина станет ясна.

Ждать пришлось недолго. Командующий, столкнувшись с непонятным для него поведением подчиненного офицера, который не проронил ни слова в свое оправдание, решил усилить эффект своей критики в адрес разведки и выложить истинные причины гнева:

– Может, вы, как офицер Генерального Штаба и не новичок в делах разведки, думаете, вот, мол, назначили нового командующего, а «новая метла всегда по-новому метет». Смее уверить, что это не тот случай. Третьего дня в беседе с Государем, – последние слова Канин произнес нарочито будничным тоном, чтобы создать впечатление регулярности встреч с императором.

Но адмиралы и Стрельцов знали, что личная встреча состоялась у него впервые в жизни при аудиенции по случаю назначения командующим флотом. Василий Александрович взглянул на окружающих, чтобы оценить впечатление, и продолжил:

– В беседе с Государем я почувствовал его неудовлетворение. Он не стал расспрашивать о действиях флота, поскольку, видимо, достаточно осведомлен в этом вопросе, а заострил внимание на другом. Его Величество интересовался, какую пользу наша боевая деятельность приносит русским армиям, воюющим в Курляндии. Потребовал нарастить усилия в этом направлении, при этом заметил, что флот самостоятельно обязан следить за обстановкой в зоне боевых действий армии и подключаться в случае ее осложнения. А на флоте, добавил он, и разведку толком организовать не могут на прибрежных направлениях. Чем мне было ответить государю? Не в бровь, а в глаз получилось! Я понимаю, вас весьма выручают данные радиоперехвата, разведка с гидроаэропланов. Но все это создано еще Адрианом Ивановичем Непениным до вашего назначения на должность. А что конкретно сделано вами для организации разведки на береговом фланге операционной зоны флота? Можете доложить?

– Так точно, могу, – неожиданно для всех спокойно ответил Илья Иванович. – С момента начала службы на флоте меня самого беспокоило это направление, поэтому разведотделение приступило к поиску перспективных для закордонной работы лиц среди беженцев, военнопленных и жителей прифронтовой полосы. В прошлом месяце необходимый нам источник был подобран, проверен на благонадежность и завербован. Сейчас он проходит подготовку для самостоятельной работы, и в июне, я полагаю, мы получим от него сведения об армейской группе генерала Лауенштейна. В дальнейшем мы продолжим поиск источников информации, и при следующей встрече, ваше высокопревосходительство, вы сможете доложить императору, что Балтийский флот выполняет поставленную им задачу.

Эту фразу Стрельцов мог бы не произносить, ведь все понимали, что следующая встреча с императором вряд ли состоится когда-нибудь. Однако он сделал лукавый ход, которым решил отплатить Канину за несправедливую критику. Непенин, пряча в усах улыбку, удовлетворенно качнул головой. Кербер и Ферзин одобрительно посмотрели на полковника. А командующий, успокоившись, решил сменить тему разговора:

– Ладно, посмотрим, как вы будете решать эту задачу. Теперь вот о чем. Весь штаб из Ревеля переводится в Гельсингфорс. Я пребываю в сомнении: надо бы и вас сюда перевести вместе со всеми. Но, с другой стороны, разведывательное отделение должно находиться ближе к местам ведения боевых действий.

– Так точно, прошу вас оставить пока все как есть. На Ревель завязаны наши связи с действующей агентурой, организована связь с постами радиоперехвата. Да и к фронту ближе...

– Хорошо. Быть по сему! Сношение со мной поддерживайте через контр-адмирала Непенина, ему же направляйте все разведывательные материалы для доклада штабу. У меня все. Если у вас вопросов нет, можете идти работать. И пригласите следующего офицера, кто ждет очереди для доклада.

Стрельцов пошел на выход, а Непенин велел подождать его в вестибюле.

Адриана Ивановича пришлось ждать почти час. Он пригласил Стрельцова в свой кабинет, распорядился, чтобы туда принесли горячего чая с бутербродами, усадил в мягкое кожаное кресло, только потом начал расспрашивать.

– Успешно, Илья Иванович, вы от атаки командующего отбились. Про источник в прифронтовой полосе на ходу придумали? Что-то я об этом направлении работы ничего не знаю.

– Адриан Иванович, мы с мичманом Тихоновым в самом деле с начала наступления немцев обшарили все лагеря для военнопленных, фильтрационные пункты для перемещенных лиц и беженцев. Владимир сам не раз в колоннах беженцев ехал, чтобы поближе познакомиться с народом. Попадались интересные кандидатуры, но мы их пока отмели. Наудачу знакомый жандармский ротмистр из военной контрразведки с барского плеча передал нам на связь еврейскую семью морских контрабандистов из Либавы. Это муж с женой, за сорок лет обоим. Военная контрразведка их использовала в своих интересах перед войной, а сейчас из оперативной обстановки интерес к ним пропал. Мы их завербовали и готовим в настоящее время как марш-

рутников. Работать агенты обещали добросовестно за хорошие деньги. Будем ставить задачи и отправлять в тыл к немцам. Прикрываться по-прежнему будут контрабандой: часы, женское белье, духи.

– Что ж, канал перспективный, посмотрим, какой улов нам принесут ваши контрабандисты. Теперь что у вас по Швеции, как «Фридрих», чем порадовал?

– «Фридрих» привез данные на завербованного им агента «Брауна», вернее, агентессу. Это – пожилая женщина, живет в городе Киль, в районе Хольтенау, где как раз и базируются корабли кайзера. Она видит и знает все. К России относится хорошо, в молодости жила в Петербурге. Смелая, понимает, чем рискует. Не расстается с дамским «браунингом». Именно она первая сообщила донесением, что 18 июня Вильгельм будет проводить смотр флота в Кильской гавани. Потом «Фридрих» ее сообщение подтвердил. А главное то, что он сделал по своей линии: составил подробный список германских кораблей, стоящих в доках на ремонте после участия в боях с англичанами и с нашим флотом. Сфотографировал их. Зная количество ремонтирующихся единиц, легко определить, сколько в действующем строю осталось.

– Илья Иванович, возвращайтесь в Ревель, готовьте документы по результатам всех дел и направляйте мне. Связь – по телефону, телеграфу и по почте. Нужно будет – вызову. Ну, успехов вам!

Вечером Стрельцов уже шел по улочкам Ревеля. В «скворечнике» он застал подчиненных, кратко сообщил им все новости и узнал о том, что его письмо из Швеции с отчетами «Фридриха» благополучно пришло и лежит в сейфе.

Объявив, что появится на службе завтра после обеда, полковник ушел отдыхать впервые после трех недель переездов с места на место и нервотрепки.

СЕКРЕТНО

Разведывательная сводка
штаба Балтийского флота
на 30 мая 1915 года

Обстановка на Балтийском морском военном театре теперь непосредственным образом зависит от событий, складывающихся на прибрежном участке нашего Северо-Западного фронта. В последние дни мая боевые действия, развивавшиеся севернее реки Неман, приняли позиционный характер. Активность наших войск в обороне привела к тому, что противник, стремящийся прорвать фронт на рубеже Виндава – Митава – Шавли и наступать в направлении Риги, был вынужден спешно наращивать свою группировку. На участок фронта в Митавско-Шавлийском районе из резерва подтянуты свежие германские соединения, а именно: 1-я и 80-я резервные пехотные дивизии, 2-я и 8-я кавалерийские дивизии. Армейская группа генерала Лауенштейна, противостоящая нашей 5-й армии генерала Плеве, в результате переформирования увеличилась настолько, что 26 мая была переименована верховным германским командованием в «Неманскую армию», подчиненную генералу Отто фон Белову.

Наиболее значимым результатом, отрицательным образом воздействующим на глубину операционной зоны Балтийского флота, в результате проведенного наступления противника следует считать потерю военно-морской базы Либавы, которую германские войска полностью заняли в первых числах мая. В настоящее время имеются агентурные сообщения, из которых следует, что инженерные подразделения противника в спешном порядке восстанавливают причалы в порту Либавы, взорванные по распоряжению адмирала Эссена при отступлении наших войск из города. Бригада германских тральщиков ведет постоянное траление внешнего рейда и фарватеров базы с целью ее подготовки к использованию в интересах германского флота. Как правило, тральщики действуют под артиллерийской защитой крейсера и нескольких эсминцев.

Концентрация кораблей германского флота в западной части Балтийского моря постоянно наращивается за счет перевода кораблей из базы Вильгельмсхафен в Северном море и за

счет завершения ремонта поврежденных в боях кораблей. 18 июня в базе Киль следует ожидать смотр всего флота в присутствии кайзера. Об этих планах сообщают несколько наших агентурных источников.

По данным радиоразведки, противник в последние дни вывел из боевого состава подорвавшиеся на минах крейсер «Тетис» и тральщик S-144. От взрывов мин затонули тральщики T-50 и T-54. Проходы в наших минных заграждениях достаются германскому флоту ценой ощутимых потерь и значительного отставания от графика, установленного Берлинским Адмиралштабом. В планах боевых операций противника по-прежнему остаются регулярные бомбардировки Виндавы силами артиллерии крейсеров и эсминцев и минные постановки в Центральной Балтике на маршрутах выдвижения наших сил, следующих к входу в Ирбенский пролив, а также на позициях к югу от острова Готланд.

Значительный интерес для нас представляет изучение сведений о результативности наших новых минных постановок. Не всегда они бывают успешными. Например, проведенная 20 мая операция по блокированию зашедшего в Либавский порт германского отряда кораблей силами нашего Особого полудивизиона эсминцев во главе с «Новиком» большого эффекта не принесла из-за спешности осуществленных минных постановок. Из перехваченных переговоров командиров вражеских тральщиков следовало, что постановки оказались в стороне от уже протраленных немцами входных фарватеров.

И все же противник вынужден отвлекать значительные силы флота на проведение операций по очищению от мин участков моря у собственных берегов, нередко теряя в ходе этих операций свои тральщики. Подрывы на минах немецких кораблей всех рангов продолжались в течение мая.

Силами радиоразведки недавно установлено, что гибель финского грузового корабля «Фрак» в Аландском море, случившаяся месяц назад, 23 апреля, занесена командованием противника на счет германской подводной лодки U-26.

Количество выявленных подводных лодок противника, действовавших в Центральной Балтике, Ботническом заливе и на подступах к Финскому заливу, в течение последнего месяца возросло по сравнению с прошлым. Это является свидетельством того, что германское морское командование стремится прочно закрыть русский флот в Финском заливе. Для этой цели используются все методы, вплоть до масштабных демонстрационных действий.

Только лишив наш флот возможности выходить в Центральную Балтику, Адмирал штаб наконец сможет решить свою главную задачу в Балтийском море – оказывать всемерную поддержку своим сухопутным войскам, наступающим на Приморском направлении на Ригу и далее на восток в сторону Петрограда.

На данный момент силы Балтийского флота не позволяют противнику решить эту задачу.

Начальник разведывательного отделения

Балтийского флота

полковник Генерального Штаба Стрельцов.

Бой у острова Готланд (июнь 1915)

Кто-то мог бы сказать, что продолжительная майская командировка Стрельцова закончилась вечером после прибытия эсминца «Охотник» из Гельсингфорса в ревельскую гавань. Но у Ильи Ивановича имелась собственная версия окончания той поездки. Он покачивал головой и улыбался, когда возвращался к ней в мыслях.

В первое утро после приезда домой полковник вышел из ванной комнаты, побритый, надушенный, и собрался было насладиться хорошо сваренным кофе, благо кофейник ему только-только принесла хозяйка пансионата, как в дверь вдруг позвонили. Он вздрогнул, настолько неурочным показался ему этот звонок. Распахнул входную дверь и был почти сметен ураганом. В квартиру не вошла, а влетела Кристина, чуть не сбив оторопевшего хозяина с ног.

Немой сцены не было – гостья начала монолог без паузы: – Илья Иванович, как вы можете так поступать?! Вы ушли в море и исчезли, скрылись, растворились в этих волнах! Да за те недели, что вас не было, не только Балтийское море несколько раз можно переплыть – до Африки доплыть и вернуться. Но я знаю, что везде война, и в Африку никто из Ревеля не ходит! Значит, вы были где-то поблизости и не могли, не хотели сообщить, что живы и здоровы. Почему же вы так поступили?!

– Да что случилось, Кристина?

– Что случилось? Вы еще спрашиваете! Случилось! Много случилось! Вот вам. Несколько дней назад в порт вернулся какой-то военный корабль. Я его сама не видела, но, говорят, после боя с немцами наши моряки еле-еле доплыли до родной гавани. Я случайно оказалась возле порта и смотрела, как из ворот выезжают госпитальные телеги с ранеными и убитыми. Иисус Мария! Как же тяжело было видеть эту картину. Совсем молодые, искалеченные ужасными ранами, обожженные... Они стонали или молчали, глядя открытыми глазами в небо. Еще ехали телеги, покрытые простынями, под ними никто не стонал и не шевелился – души тех героев были уже на небесах. Я в который раз подумала, почему же вас так долго нет? Вдруг и вас везут среди них... Мне было страшно, но я собралась с духом и пошла рядом с телегами, вглядываясь в тех, кто в них лежал. Вас там не нашла, к счастью. После того случая каждый день молилась о вашем благополучном возвращении. Я ждала, что вы дадите о себе знать. Все время ждала. Но сегодня увидела свет в ваших окнах, набралась смелости зайти сюда – и что же здесь? Вы спокойно попиваете кофе, ни о чем и ни о ком не думая! Бездушный вы человек! Нельзя так...

В глазах взволнованной женщины блеснули слезы. Она встала перед ним, замолчала и в сердцах ударила его в грудь сжатыми кулачками в перчатках. Он обнял ее, прижал и смущенно произнес:

– Ну что вы, что вы... Я же не знал...

Кристина хотела вырваться, но вдруг затихла и положила голову ему на грудь. Потом откинула и распахнула зелень своих чудесных, как летнее море, глаз. Они без слов смотрели друг на друга.

Губы потянулись к губам...

Стрельцов открыл глаза, когда мысли и чувства после случившегося безумства стали собираться вместе. Голова его покоилась на подушке, а на плече лежала прелестная головка Кристины. Обеими руками он обнял женщину, как истинное сокровище. И поцеловал. Кристина приоткрыла глаза и тихо спросила:

– Матка Воска, что здесь было?

Он, приподнявшись на локте, серьезно посмотрел ей в глаза и произнес:

– По-моему, я попытался вас соблазнить.

– И как? Получилось?

– Да вот, размышляю, пробую разобраться...

– Будет скромничать! Получилось. Вам, полковник, награды надо давать не только за отвагу в бою...

– Мадам, все в ваших руках.

Кристина весело засмеялась, обвила руками шею Стрельцова и стала целовать его, приговаривая:

– Нет, сейчас задушу, задушу!

Часы в гостиной пробили полдень. Кристина села на кровати, потрянула головой, словно отгоняла наваждение, и, вздохнув, сказала:

– Все, мне пора уходить.

– А вернетесь?

– Ну если будете ждать, то быть может...

Стрельцов наблюдал, как гостя, завернувшись в простыню, словно римская патрицианка, собирала разбросанное по ковру белье и одевалась. Постепенно каждая вещь занимала назначенное ей место. Она присела спиной, опустила простыню и застегнула крючки диковинного аксессуара с кружевными бретельками на плечах. Почувствовав на себе удивленный взгляд, обернулась:

– Вы что, не видели прежде? Это – бюстодержатель, по-немецки – бюстгальтер. Талантливое изобретение американских портных и врача-женщины. Наконец-то надоевший всем корсет можно выбросить на свалку. Бюстгальтер – это удобно, а теперь еще и модно. В России такое белье появилось недавно, но быстро приобретает популярность.

Еще две-три минуты, и Кристина стояла одетая. Илья Иванович подошел к ней, обнял и спросил:

– Так что, Кристина, не гневаетесь более на меня? Обещаю, что буду извещать всякий раз при возвращении из дальних поездок.

Она потрянула головой, характерно выгнула брови и, растягивая слова, с улыбкой произнесла:

– Если я правильно поняла, вы снова хотите покинуть бедную женщину?

На ироничный вопрос офицер ответил серьезно:

– Кристина, милая, ведь я на службе. Кругом война, которая, слава богу, обходит тихий Ревель. Нам придется часто разлучаться. К примеру, на днях меня в Петроград вызывают. Но сегодня должен вам честно признаться, что в поездках я часто вспоминаю вас. А теперь буду еще и скучать...

– Попробую поверить вам, полковник. А завтра придете в кафе? Я буду ждать.

– Обязательно!

Стрельцов выполнил обещание и пришел на свидание, которое получилось грустным, потому что он счел нужным попрощаться перед новой командировкой.

Илья Иванович планировал отправиться в Петроград, чтобы завершить в Генеральном Штабе делопроизводство по проведенной агентурной работе. Однако планы резко изменились: Непенин велел ему прибыть в Гельсингфорс.

В порту стоял готовый к отходу дежурный эсминец. Как только Стрельцов ступил с трапа на борт, его приветствовал командир корабля. Несмотря на утренние сумерки и сыпавшую стеной балтийскую морось, он разобрал, что перед ним стоит навязчику старый знакомец Арцишевский.

– Антон Генрихович, вы какими судьбами здесь? Ба-а, да уже лейтенант! Поздравляю, поздравляю!

После крепкого рукопожатия лейтенант испросил у старшего на борту «добро» на отход.

Они поднялись на открытый мостик, и по кораблю полетели команды:

- Баковые, на бак! Ютовые, на ют!
- По местам стоять, со швартовых сниматься!

Арцишевский, как положено командиру, руководил выходом из порта лично:

- Малый вперед! Осмотреться за бортами и кормой!

Послышались доклады:

- По левому борту за бортом чисто!
- По правому борту за бортом чисто!
- За кормой чисто!

Рядом на мостике стояли вахтенный помощник и рулевой. Командир отдал указание:

- Машине средний ход, курс десять!
- Есть – средний ход!
- Есть – курс десять!
- Так держать!
- Есть – так держать!

Строгий ритуал военно-морских команд производит глубокое впечатление на того, кому нечасто доводится бывать на кораблях. Стрельцов стоял немного сзади и с уважением смотрел на работу молодых моряков.

Обернувшись к нему, Арцишевский затянул ремешок фуражки под подбородком и произнес:

- Илья Иванович, сейчас пройдем узкость и «попылим» напрямик на Гельсинки.

Стрельцов было удивился неуместному на флоте слову «попылим», но понял, что пехотное понятие «ввернуто» для шикю. Он чувствовал, что у командира корабля хорошее настроение, улыбнулся и ответил:

- Командуйте, Антон Генрихович, в пути успеем наговориться.

Слева по борту остался портовый маяк. На открытом просторе Финского залива поднялся свежий ветерок, корабль ощутимо закачало на волне. Командир отдал помощнику новые распоряжения:

- Скорость поднимем до двадцати узлов, пойдем курсом двадцать. Меньше качать будет.

При подходе к Гельсингфорсу переложимся против ветра.

Наклонившись к медному раструбу переговорного устройства, протяжно крикнул:

- Машине!

Снизу послышалось утробное:

- Есть – машине!
- Егорыч, как у тебя сальники, не текут?
- Все в порядке, ваше благородие!
- Держи, Егорыч, сто двадцать пять оборотов.
- Куда столько, мы что – в бой?
- Исполнять! Поговоришь у меня...
- Есть – держать сто двадцать пять оборотов!
- Так-то!

Корабль напрягся и рванулся вперед рассекать мелкую и злую балтийскую волну. Качать стало меньше, Арцишевский пригласил Стрельцова в свою каюту. Расположились за узким столом, один – на койке, другому, как почетному гостю, достался единственный стул.

Вестовой принес на подносе два стакана чаю, порезанный лимон, колотый кусками сахар и баранки с маком. Хозяин поднял подстаканник со стаканом и многозначительно произнес:

– Ваше превосходительство, лейтенант Арцишевский! Представляюсь по случаю присвоения очередного звания и назначения командиром корабля. Простите, бога ради, Илья Иванович, не было прежде случая представиться.

– Да будет вам чиниться! Рассказывайте по существу: что, когда, где?

Антон Генрихович сделал глоток горячего чаю, отставил стакан и, пожав плечами, сообщил:

– История, собственно, короткая. После кончины Николая Оттовича мне показалось, что восьми месяцев службы в штабе будет достаточно. Я на «Рюрике» башней главного калибра командовал, а в сентябре прошлого года после нескольких боев он перевел меня в штаб. Дело важное, но я в душе командир, а не штабной офицер. Потому и обратился к Керберу с рапортом направить на корабли. Людвиг Бернгардович ни в какую: из штаба всех отпущу, а кто работать будет? Неожиданно выручил командующий, который назначил Александра Васильевича Колчака флаг-капитаном по оперативной части. Я – к Александру Васильевичу с той же просьбой. Он был не против и замолвил за меня словечко перед Каниным. На эсминцах часто подвиги на офицерских должностях случаются: корабли из боевых действий не выходят. Меня вот на «старичка» назначили командиром, «Резвому» шестнадцать лет нынче – это один из самых старых кораблей флота. Тут же срок звания подошел. Так что корабль и погоны лейтенанта я получил одновременно.

Илья Иванович внимательно выслушал, потом встал, пожал руку и поздравил. Арцишевский поблагодарил и продолжил:

– Теперь на собственном корабле клубок проблем распутываю. Главная беда – машина старая, изношенная. В феврале в бою повреждение получила вдобавок. Ремонтируемся каждый день! Хорошо, хоть механика толкового назначили. Егорыч мой из кондукторов, служил на «Резвом» еще в японскую войну. Миноносец тогда с Балтики в составе отдельного отряда на Тихий океан ходил. Егорыч отслужил свое и в запас ушел. А в этом году его призвали, дали первичное офицерское звание и сюда направили. Он, бедный, все никак привыкнуть не может, что офицером стал. Но это пустяк. Хорошо, что машину знает как свои пять пальцев и с машинистов того же требует. Да что я вам рассказываю о своих бедах! Вы-то как?

Пока офицеры неспешно говорили, перебирая общих знакомых, подошла пора швартоваться в Гельсингфорсе. Лейтенант занял место на мостике. Через десять минут Стрельцов покинул корабль, пожелав командиру «семи футов под килем».

В штабе его ждал Непенин, который быстро изложил причину вызова. Илья Иванович и сам прекрасно знал, в чем дело: несколько дней назад они с Ренгартеном направили в штаб доклад с предложением использовать факт сокращения количества германских кораблей на Балтике, ввиду их сбора в Киле на императорском смотре, для нанесения удара по одному из немецких прибрежных городов. Все необходимые документы по дислокации армии и флота противника в нашей операционной зоне он привез с собой. Вместе с Непениным они отправились в кабинет начальника штаба, но там никого, кроме капитана 1-го ранга Черкасского, не застали. Непенин ушел на поиск командования, а Стрельцов поздоровался с князем, которому не терпелось продолжить старый разговор.

– Илья Иванович, дорогой вы мой! Вспомните, что я вам предсказывал в Ревеле, когда нас вызвали в связи с назначением нового командующего? Вот видите, подвигка пошла: Колчак назначен в штаб.

– Михаил Борисович, но вы утверждали, что Канин будет выводить Александра Васильевича в командиры Минной дивизии...

– Правильно, и сейчас то же самое утверждаю. Но сперва он его из командиров Особого минного дивизиона в оперативную часть штаба перевел. С этой должности на адмиральскую попасть гораздо проще. Все так и будет, уверяю вас, Илья Иванович!

– А как вы с Колчаком уживаетесь, ведь он вашим непосредственным начальником стал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.